Глава 5. Новая институциональная теория государства.

В соответствии с подходом, предложенным Д. Нортом, понимание которым феномена государства, в свою очередь, перекликается с пониманием этого феномена Максом Вебером,

государство — это организация со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, распространяющимися на географический район, границы которого устанавливаются его способностью облагать налогом подданных

Сущность прав собственности в праве на исключение, и организация, обладающая сравнительным преимуществом в насилии оказывается в состоянии специфицировать и защищать права собственности. При этом под насилием здесь понимается физическое ограничение спектра возможностей, доступных одному индивиду (или группе) посредством воздействия на его способность реализовывать принимаемые им решения. Важно отметить, что государство может и не применять насилие, более того, при определенных условиях государство функционирует тем более эффективно, чем меньше насилия оно применяет. Сравнительные преимущества государства в осуществлении насилия, о которых известно экономическим агентам, удерживают последних от инвестиций в запрещенное государством перераспределение, направленное на увеличение собственного благосостояния за счет благосостояния других членов общества.

Единственной функцией государства является производство общественных благ, важнейшими из которых являются создание и защита формальных правил. Однако, прежде чем мы подробно рассмотрим эту экономическую функцию государства, нам необходимо определить то место, которое занимают общественные блага в типологии благ.

5.1. Государство как агентство по производству общественных благ

бщественные блага в типологии благ. Отнесение тех или иных благ к разным типам зависит, во-первых, от возможностей исключения кого-либо из числа потребителей блага а, во-вторых, от наличия или отсутствия конкуренции при потреблении блага. Наличие или отсутствие исключительного доступа к тому или иному благу зависит от издержек, связанных с обеспечением исключительности доступа. Например, исключение доступа посторонних людей к собственному кошельку не связано с какими-либо издержками — достаточно спрятать кошелек во внутренний карман пиджака. С другой стороны, исключение доступа к стратегическим военным объектам обеспечивается с помощью целого ряда весьма дорогостоящих процедур. Иными словами, когда мы говорим, что то или иное благо не обладает свойством исключительности доступа, то фактически мы имеем в виду, что издержки исключения запретительно высоки.

Что касается конкуренции при потреблении блага, то это фактически означает, что потребление блага каким-либо субъектом исключает возможность потребления того же самого блага другими субъектами: наличие, например, собственника автомобиля, активно потребляющего это средство передвижения, фактиче-

ски не дает возможности потреблять это благо другим лицам по своему усмотрению (естественно, речь идет о случае, когда права собственности четко специфицированы и хорошо защищены).

С другой стороны, существует большое число благ, потребление которых одним субъектом не препятствует потреблению того же самого блага другим субъектом. Одним из таких благ является информация. Если мы, обладая какой-то информацией, поделимся ей с кем-нибудь, то у нас ее не станет меньше.

Здесь стоит обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, отсутствие конкуренции в потреблении блага фактически означает, что предоставление дополнительной единицы такого блага кому бы то ни было не связано для коголибо с издержками, то есть, выражаясь экономическим языком, предельные издержки для неконкурентных в потреблении благ равны нулю. Но это отнюдь не означает, что равны нулю вообще все издержки по предоставлению таких благ. В качестве примера можно привести асфальтированную дорогу, по которой постоянно ездит определенное количество автомобилистов. Если число этих автомобилистов увеличится на единицу, то такое увеличение не будет связано с дополнительными издержками для остальных. Однако, издержки строительства и ремонта дороги не только существуют, но и могут быть достаточно большими.

Во-вторых, по мере увеличения числа потребителей блага, оно может из неконкурентного в потреблении превратиться в конкурентное. Например, для продавцов, арендовавших торговые места на только что открывшейся рыночной площадке первоначальный рост числа торговых точек является положительным благом, так как чем больше продавцов, тем богаче ассортимент, и тем больше на рынке покупателей. Иными словами, каждая дополнительная торговая точка привлекает дополнительных покупателей. Увеличение числа покупателей на рынке благоприятно сказывается на объемах продаж всех арендаторов. Однако, с увеличением числа торговых точек на рынке каждый новый продавец, с одной стороны, привлекает все меньше новых покупателей, а с другой стороны, он усиливает конкуренцию между продавцами. Таким образом, если первоначально увеличение числа продавцов на вновь открывшемся рынке будет способствовать увеличению объемов продаж, а следовательно, и росту благосостояния остальных продавцов, то, начиная с какого-то момента, когда число продавцов на рынке достигнет какой-то критической точки отрицательный эффект от роста конкуренции перевесит для «старых» продавцов положительный эффект, связанный с увеличением общего количества покупателей на рынке. В данном примере речь идет о сетевой экстерналии, то есть таком внешнем эффекте, при котором «полезность блага для каждого индивида зависит от количества потребителей данного блага»⁷¹.

В общем виде типология благ представлена в таблице 5.1.

Подавляющее большинство материальных благ обладают свойствами конкурентности при потреблении и исключительности доступа. Такие блага называются частными. Практически все предметы потребления: пища, одежда, жилье и т.д., являются частными благами.

⁷¹ Шаститко А.Е. (2002), *Неоинституииональная экономическая теория*, М.: ТЕИС, с.559.

Таблица 5.1. Типология благ

Свойства благ	Наличие исключитель- ности доступа к благу	Отсутствие исключи- тельности доступа к бла- гу	
Конкурентность в потреблении	Частные блага	Частные внешние эффекты	
Отсутствие конкуренции при потреблении	Клубные или коллектив- ные блага	гив- Общественные блага или общественные внешние эффекты	

Для клубных или коллективных благ характерны, с одной стороны, наличие ограничений на доступ к благу для индивидов, не являющихся членами некоего сообщества («клуба»), а с другой стороны — отсутствие конкуренции в потреблении этих благ. Примерами клубных благ могут служить домофон в подъезде или денежные ссуды, которые могут получить члены финансового кооператива.

Следует различать два вида коллективных благ. В первом случае члены коалиции, созданной для обеспечения ее участников коллективным благом в состоянии исключить из числа потребителей этого блага всех тех, кто не принимает участия в предоставлении этого блага. Примером такого рода коалиции может служить закрытый теннисный или иной спортивный клуб: лица, не платящие членские взносы, автоматически лишаются доступа к этому благу.

Существуют, однако, и коллективные блага другого вида. Здесь коалиция, созданная для предоставления некоего коллективного блага является частью группы большего размера, объединенной мотивами, отличными от совместного производства коллективных благ. Такая коалиция в большинстве случаев не в состоянии исключить из числа потребителей этого блага членов большой группы, не входящих в данную коалицию. Например, жильцы подъезда в многоквартирном доме, объединившие свои средства для установки домофона не могут исключить из числа потребителей этого блага своих соседей, отказавшихся принять участие в объединении средств. Или, жители деревни, отремонтировавшие своими силами единственную деревенскую улицу не могут запретить ездить по ней своим землякам, которые не принимали участия в этой совместной акции. В рассмотренных случаях появляется так называемая проблема безбилетника, о которой пойдет речь в следующем разделе.

Под общественными понимаются блага, для которых отсутствуют как исключительность доступа, так и конкурентное потребление

Классическими примерами общественных благ могут служить защита населения страны от угрозы внешней агрессии, повышение общего культурного уровня граждан и т.д.

Говоря об общественных благах, следует обратить внимание на то обстоятельство, что вкусы разных индивидов могут сильно отличаться друг от друга. То, что для одного является безусловно положительным благом, для другого может быть антиблагом. В этом смысле предоставляемые государством общественные блага можно рассматривать как общественные внешние эффекты, которые для одних индивидов могут быть положительными, а для других — отрицательными. Например, для убежденного пацифиста оружие, скорее всего, будет являться антиблагом. Однако, если производство оружия финансируется из государственного бюджета (то есть оружие выступает как средство обеспечения блага

«безопасность от внешней агрессии»), то пацифист вынужден своими налогами оплачивать то, что для него представляет отрицательную ценность.

Наконец, последний вид благ из представленной выше типологии характеризуется, с одной стороны, отсутствием исключительности доступа, а с другой — наличием конкуренции в потреблении. Фактически, в данном случае речь идет о частных положительных внешних эффектах. Примером такого рода благ может служить, в частности, мост через реку, построенный индивидом для собственных нужд в том случае, когда этот индивид не может исключить из доступа к этому благу других людей, не инвестировавших свои средства в строительство моста.

В заключении этого раздела необходимо остановиться на следующем аспекте. В действительности, любое благо может быть предоставлено всеми описанными способами, то есть и как частное, и как коллективное, и как общественное благо. Вопрос, на самом деле, заключается в издержках предоставления блага каждым из этих способов. Иными словами, если государство не обеспечивает своих граждан благом под названием «безопасность на улице», то есть это благо не предоставляется как общественное благо, то в принципе, каждый желающий может за определенную сумму денег нанять себе телохранителя и обеспечить себя благом «безопасность на улице» частным порядком. Очевидно, однако, что в этом последнем случае издержки общества по обеспечению себя этим благом в полном объеме будут несопоставимо выше тех издержек, которые возникают когда это благо предоставляется как общественное.

Множество примеров иного рода, когда частное, по своей природе, благо предоставляется общественным порядком можно почерпнуть из практики организации хозяйства в бывшем Советском Союзе и других социалистических странах. Это касается, в частности, подавляющего большинства производившихся в социалистических странах предметов индивидуального потребления: одежды, бытовой техники, автомобилей и т.д.

тивных действий. Одним из первых исследователей, заинтересовавшихся проблемой безбилетника и вытекающей из нее проблемой организации коллективных действий был Мансур Олсон. Его знаменитая книга «Логика коллективных действий» увидела свет в 1965 году, однако, она и сегодня остается одной из самых цитируемых работ по данной проблематике. Впоследствии, в книге «Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз» Олсон применил результаты своей «Логики» для объяснения различий в темпах экономического роста между странами и причин развития застойных явлений в экономике.

В общем случае проблема безбилетника определяется как затруднённость осуществления взаимовыгодных коллективных действий из-за возможности получения экономическими агентами выгоды без участия в общих издержках

Классический пример проблемы безбилетника, авторство которого принадлежит Дэвиду Юму, приводит в своей работе «Границы свободы» Дж. Бьюкенен:

«Допустим, каждый житель деревни знает, что осушение луга окажется выгодным лично для него в том случае, если издержки будут равномерно распределены между всеми членами группы. Однако, ещё более желательной для индивида оказывается ситуация, когда луг осушается другими, что позволяет ему получить выигрыш, не прилагая никаких усилий. В этом случае у каждого индивида возникнет мотив воздержаться от каких-либо добровольных действий, мотив настолько сильный, насколько он считает, что его собственное поведение не зависит от поведения других участников потенциального социального взаимодействия»⁷².

Построенная М. Олсоном экономическая модель совместного производства благ приводит исследователя к выводу, что «оптимальным для индивидуума является такое количество коллективного блага, при котором предельная выгода для группы превосходит предельные издержки во столько же раз, во сколько групповая выгода превышает личную» 73 . Пусть S_g — размер группы, T — объём коллективно предоставляемого блага, V_g — ценность блага для группы, V_i — ценность блага для индивида, $F_i = V_i/V_g$ — часть общей выгоды, достающаяся индивиду, C — издержки по получению дополнительной единицы блага, A_i — преимущества индивида от получения какого-либо количества совместно предоставляемого блага, тогда $A_i = V_i - C$. И эта индивидуальная выгода будет изменяться в зависимости от T, а своего максимума она достигнет при:

$$V_i = F_i S_g T$$

Так как:

$$F_i S_g - \frac{\partial C}{\partial T} = 0$$

Причём F_i и S_g в каждый конкретный момент времени признаются постоянными, то:

$$\frac{\partial A_i}{\partial T} = \frac{\partial V_i}{\partial T} - \frac{\partial C}{\partial T} = 0$$

Это определяет количество блага, которое приобрёл бы самостоятельно действующий индивид. Для группы это означает, что так как:

$$\frac{\partial V_i}{\partial T} = F_i \frac{\partial V_g}{\partial T}$$

To

$$F_{i}\frac{\partial V_{g}}{\partial T} - \frac{\partial C}{\partial T} = 0 \Rightarrow F_{i}\frac{\partial V_{g}}{\partial T} = \frac{\partial C}{\partial T}$$

 72 Бьюкенен Дж. (1997), Границы свободы. Между анархией и Левиафаном// *Нобелевские лау- реаты по экономике. Джеймс Бьюкенен*, М.: Таурус-Альфа, с.258.

⁷³ Олсон М. (1998), Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция, социальный склероз, Новосибирск: ЭКОР, с.61. Понимание коллективного блага М. Олсоном отличается от современного понимания как общественных, так и клубных благ, которое описано выше: «Коллективное или общественное благо определяется в данной книге как любой товар или услуга, которые удовлетворяют следующему требованию: если их потребляет любой индивид Xi из группы XI.....,Xi.....,Xn, то их могут потреблять и все остальные члены группы. Другими словами, те, кто не покупают или не платят за это общественное благо, не могут быть исключены из его потребления (если же они исключаются, то мы имеем дело с необщественным благом)» (Олсон М. (1995), Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп, М.: Издательство ФЭИ, с.12-13). Иными словами, основным критерием, по которому Олсон относит благо к коллективным или общественным (он не делает различия между двумя этими понятиями) является отсутствие исключительности доступа к благу, тогда как современная экономическая теория, как было замечено выше, относит к коллективным те блага, для которых свойственны, с одной стороны, отсутствие конкуренции в потреблении, а с другой, как раз наличие исключительности доступа.

То есть, прирост дохода группы (dV_g/dT) должен превысить увеличение издержек на столько же, на сколько доход группы превысит доход одного индивида ($1/F_i = V_g/V_i$). Оптимум самостоятельно действующим индивидом будет достигнут при условии, что $F_i > C/V_g$.

«Это означает, что коллективное благо будет обеспечено, если издержки по добы**в** нию коллективного блага (в оптимальной для каждого индивида точке) настолько малы по сравнению с общей выгодой для группы, что общая выгода превышает общие издержки настолько же (или больше чем), на сколько она превышает выгоду отдельного индивида»⁷⁴.

Отсюда, чем больше размер группы, тем меньшая часть общей выгоды достается ее среднему члену, и, соответственно, тем меньше у него стимулов принимать активное участие в обеспечении группы коллективно предоставляемым благом, тем меньше у него желания участвовать в коллективных действиях и тем острее для группы становится проблема безбилетника. Таким образом, «в малой группе, где индивид получает достаточно большую долю общей выгоды, он выиграет больше даже в том случае, если возьмёт на себя все издержки, чем если он останется без коллективного блага, поэтому существует большая вероятность, что коллективное благо будет обеспечено» 75.

С другой стороны, на объем совместно предоставляемого блага оказывает влияние гетерогенность интересов участников группы. Под гетерогенностью интересов понимается разница в степени заинтересованности в обеспечении благом между членами группы. Чем выше гетерогенность интересов, тем больше вероятность того, что среди участников группы, созданной для обеспечения своих членов неким благом окажется человек, заинтересованный в этом благе настолько, что он готов нести все издержки по его предоставлению: «Группа, индивиды которой в очень разной степени заинтересованы в получении коллективного блага, и которая добивается блага крайне ценного по отношению к издержкам по его получению, будет ближе к обеспечению себя коллективным благом, чем другие группы с таким же числом участников»⁷⁶. Очевидно, что чем меньшая доля совместно предоставляемого блага достается среднему участнику группы, тем меньше вероятность того, что среди этих участников найдется индивид, готовый понести все расходы по обеспечению группы этим благом. А так как доля блага, достающаяся среднему участнику связана отрицательной зависимостью с размерами группы, то это обстоятельство также неблагоприятно отражается на перспективах обеспечения этим благом больших групп.

В конечном счёте, Олсон выделяет три основные причины, по которым меньшая группа будет более успешно обеспечивать себя таким благом, чем большая:

«Во-первых, чем больше группа, тем меньше доля отдельного индивида в общей прибыли, и тем меньше адекватное вознаграждение за любое групповое действие, и тем дальше удаляется группа от обеспечения себя оптимальным количеством блага. Во-вторых, так как чем больше группа, тем меньше доля общей прибыли, приходящейся на любого индивида или любую подгруппу, состоящую из индивидов этой большой группы, тем меньше вероятность того, что любая подгруппа этой группы, а для отдельного индивида такая вероятность ещё

.

⁷⁴ Олсон М. (1995), *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*, М.: Издательство ФЭИ, с.21-22.

⁷⁵ Там же, с.39-40.

там же, с.39-

значительно меньше, получит достаточное количество блага, чтобы нести издержки по обеспечению даже малого количества этого блага...В-третьих, чем больше число участников группы, тем выше организационные издержки и тем выше то препятствие, которое необходимо преодолеть, прежде чем хоть сколько-нибудь коллективного блага будет обеспечено»⁷⁷.

В реальной экономической и политической практике можно найти множество примеров, подтверждающих выводы Мансура Олсона, касающиеся перспектив совместного предоставления благ в группах различных размеров. Предположим, что на каком-либо рынке действует ограниченное число продавцов, каждый из которых заинтересован в установлении государством входных административных барьеров для аутсайдеров (этот пример иллюстрирует проблему рентоориентированного поведения, на которой мы остановимся подробно несколько ниже). Очевидно, что для того, чтобы такие барьеры были установлены необходимы инвестиции в лоббирование интересов участников отрасли на уровне законодательной и исполнительной власти. Если действующие в отрасли предприятия делят между собой рынок приблизительно в равной пропорции, то заинтересованность всех участников рынка в создании административных барьеров будет примерно одинаковой и перспективы успешного строительства барьеров зависят от количества фирм в отрасли: очевидно, что если компании принадлежит треть рынка, то она будет больше заинтересована в создании административных барьеров входа по сравнению с компанией, чья рыночная доля составляет лишь 10%.

Равным образом, если сравнивать отрасль, где действуют монополист – ценовой лидер и конкурентное дополнение с отраслью монополистической конкуренции, то вероятность появления входных барьеров выше в первой, так как для монополиста может оказаться выгодным полное финансирование строительства барьеров.

Другой пример, приводимый самим Олсоном и подтверждающий его теорию – участие наемных работников в профсоюзных организациях. С одной стороны, не будет откровением тот факт, что члены профсоюзов часто стремятся избежать уплаты профсоюзных сборов или уклониться от участия в собрании профсоюза. Это позволило, в свое время, некоторым противникам профсоюзного движения в США утверждать, что большинство рабочих удерживаются в профсоюзных организациях вопреки их собственной воле. В результате был принят знаменитый Закон Тафта-Хартли, предусматривающий контроль чиновников за выборами в профсоюзных организациях. Однако, «те самые рабочие, которых нужно заставлять платить профсоюзные взносы, голосовали (и обычно подавляющим числом голосов) за профсоюзы с обязательными взносами, так что эта предусматриваемая Законом Тафта-Хартли, вскоре была отменена как бессмысленная» ⁷⁸.

Проблемой безбилетника объясняется и так называемая рациональная неосведомленность индивидов в вопросах политики. Подавляющее большинство людей тем или иным образом участвуют в политических процессах, происходящих в обществе. Очевидно, что участие большинства ограничивается голосованием

⁷⁷ Там же, с.43.

⁷⁸ Олсон М. (1998), *Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз*, Новосибирск: ЭКОР, с.47.

на референдумах и выборах в органы власти различных уровней. Очевидно также, что это самое большинство может действительно оказывать влияние на политические решения, выбирая тех кандидатов, которые будут отстаивать интересы своих избирателей. Еще одна очевидная вещь – информационная асимметрия между продавцами – кандидатами на выборные должности – и покупателями – избирателями, которые «платят» за того или иного кандидата своими голосами. Казалось бы, у избирателей есть все стимулы для преодоления этой информационной асимметрии, избиратели должны прикладывать осознанные и целенаправленные усилия по сбору информации о кандидатах: от количества этой информации самым непосредственным образом зависит будущее благосостояние самих избирателей. Однако, как всем нам известно, подавляющее большинство избирателей зачастую демонстрирует просто забавную неосведомленность в политических вопросах.

По словам Олсона, «выгода... избирателя от тщательного изучения различных вопросов и кандидатов, чтобы понять, какое его решение действительно в его интересах, определяется разницей в ценности для него «правильного» и «неправильного» исхода выборов, умноженной на вероятность того, что изменение в голосовании этого индивидуума изменит ход выборов» Так как вероятность того, что один единственный голос самого обычного избирателя способен както повлиять на конечный исход голосования очень близка к нулевой, у избирателей отсутствуют достаточные стимулы тратить свое время и силы на изучение предвыборных программ кандидатов и сбор и обработку иной политической информации. Избиратели проявляют рациональную неосведомленность в политических вопросах.

Основным средством решения проблемы безбилетника в больших группах являются, по Олсону, так называемые селективные или избирательные стимулы.

Селективные стимулы – стимулы, которые применяются к индивидам избирательно, в зависимости от того, вносят ли они вклад в обеспечение коллективным благом или нет

Избирательные стимулы могут быть положительными или отрицательными, выступать в форме наказания для тех, кто уклоняется от участия в коллективных действиях, или в форме поощрения для активных участников коллективных действий.

Примером отрицательных избирательных стимулов являются уголовное указание за уклонение от уплаты налогов или исключение «отлынивающего» индивида из группы, созданной для организации коллективных действий.

Примеры положительных селективных стимулов более разнообразны, потому что, как правило группы для осуществления коллективных действий создаются на добровольной основе и поэтому применение отрицательных стимулов зачастую оказывается невозможным. В первую очередь, положительные избирательные стимулы выражаются в предоставлении участникам коллективных действий неких благ, недоступных для индивидов, не входящих в группу. Известный эпизод из «Золотого теленка», в котором «пиво продается только членам профсоюза» может служить прекрасной иллюстрацией этого инструмента обеспечения участия в коллективных действиях. Другой пример – продажа дефицитных

⁷⁹ Там же, с.52.

деликатесов на избирательных участках в годы советской власти: таким образом поощряются индивиды, принимающие участие в коллективных действиях (в данном случае – в выборах).

В добровольных объединениях людей важную, а зачастую, главную роль играют социальные избирательные стимулы. Практически каждый индивид относит сам себя к какой-либо социальной страте и принадлежит к той или иной более узкой социальной группе, в которой он приобретает какой-то социальный статус. Угроза потери или обесценения этого статуса во многих, если не в большинстве случаев может оказаться достаточным стимулом, обеспечивающим участие индивида в коллективных действиях. Равным образом, «особым уважением и почетом среди членов социально взаимодействующих групп, ищущих коллективных благ, могут пользоваться те, кто особо выделяется своими жертвами ради интересов группы, предлагая тем самым членам группы положительный избирательный стимул» 80. У социальных избирательных стимулов есть еще одна важная положительная черта: они, в большинстве случаев, очень дешевы, их поддержание не связано для группы со сколько-нибудь серьезными затратами ресурсов и усилий. Фактически, социальные избирательные стимулы появляются и существуют как бы сами собой, без целенаправленных инвестиций в их создание и поддержание.

Однако, социальные селективные стимулы предполагают наличие определенной социальной однородности среди членов группы. Организация и поддержка социально разнородных групп может быть затруднена тем, что «у таких групп скорее всего будут серьезные разногласия по поводу того, какова же природа обсуждаемого коллективного блага, каким бы это благо ни было, и какое его количество приобрести»⁸¹. Кроме того, проблема разнородных групп заключается в различии систем ценностей и поведенческих установок членов таких групп, отсюда – снижение уровня доверия внутри группы и, следовательно, удорожание коллективных действий, так как в этом случае требуются специфические инвестиции в повышение доверия участников группы друг к другу. Фактически, для обеспечения достоверности угроз и обязательств в разнородных социальных группах возникает необходимость залога, который вносится каждой из сторон и который будет утрачен, если этот участник коллективных действий перестанет выполнять свои обязательства. Примером такого решения проблемы безбилетника в разнородных группах может служить достаточно распространенная в парламентах всего мира практика пакетного голосования по законопроектам, поддерживаемым различными политическими группами и парламентскими фракциями. Голосование против пакета в целом означает для участников коалиции не только нарушение своего обязательства поддержать законопроекты партнеров, но и наказание за это нарушение: голосование против всего пакета означает для членов такого объединения голосование против тех проектов, которые представлены и/ или активно поддерживаются ими самими.

Еще одна проблема разнородных социальных групп — отсутствие единой, принимаемой всеми сторонами системы неформальных правил и, соответственно, отсутствие (или значительное ослабление) неписаных, имплицитных контрактов между членами такой разнородной группы. Иными словами, для обеспечения участия членов разнородных социальных групп в коллективных действиях не-

⁸⁰ Там же, с.48.

⁸¹ Там же, с.49.

обходима большая степень формализации отношений, чем в случае с однородными социальными группами, а это увеличение количества и роли формальных правил сопряжено с дополнительными издержками.

Все вышеперечисленное делает во многих случаях невозможным создание и эффективное функционирование разнородных социальных групп для организации коллективных действий. Более того, как показывает практика, даже сравнительно небольшая степень разнородности участников может стать непреодолимым препятствием для совместного предоставления благ. Так, попытка создания кредитного союза (кассы взаимопомощи) в одной из больниц провалилась из-за противодействия младшего медицинского персонала, опасавшегося, что умные и образованные врачи их, глупых и малообразованных, обманут и заберут себе все кредиты.

Необходимость социальной однородности группы для обеспечения эффективных социальных избирательных стимулов во многих случаях предполагает достаточно высокую степень гомогенности интересов участников группы. Этот вывод приходит в противоречие с приведенным выше выводом о том, что степень гетерогенности интересов в группе связана положительной связью с вероятностью появления индивида, настолько заинтересованного в получении блага, что он готов единолично понести все издержки по его предоставлению. Иными словами гетерогенность интересов в группе для осуществления коллективных действий оказывает на объем предоставляемого группой блага, а следовательно, и на эффективность такой группы, двоякий эффект: с одной стороны, с увеличением гетерогенности увеличивается вероятность предоставления блага наиболее заинтересованными в нем индивидами, а с другой стороны, увеличение гетерогенности интересов отражает ослабление социальной однородности группы и, таким образом, сокращает эффективность социальных избирательных стимулов.

Главный вывод работы Мансура Олсона заключается в утверждении того факта, что малые группы специальных интересов будут более эффективно обеспечивать своих членов коллективным благом по сравнению с большими, латентными группами. Этим объясняются, например, факты перехода власти в крупной корпорации от формальных ее владельцев, акционеров, к наемным менеджерам, или успешное лоббирование малыми группами своих интересов в органах государственной власти, несмотря на то, что эти интересы малых групп зачастую противоречат интересам общества в целом.

Однако, этот основной вывод Олсона правомерен лишь для тех благ, которые обладают характеристиками конкурентности при потреблении и отсутствием исключительного доступа, то есть для благ, определенных в нашей классификации как частные внешние эффекты. Снятие предпосылки об эксклюзивном потреблении, как показали в своей работе Памела Оливер и Джералд Марвелл⁸², меняет эти выводы. Действительно, предположим, что предоставляемое совместными усилиями благо является неконкурентным в потреблении, то есть потребление кем-то любого количества этого блага не сокращает потребления этого блага у кого бы то ни было. В этом случае существует прямая зависимость между размером группы, заинтересованной в приобретении блага и вероятностью того, что благо действительно будет предоставлено: «Размер группы ока-

⁸² Oliver, Pamela E. and Marwel, Gerald (1988), The Paradox of Group Size in Collective Action: A Theory of the Critical Mass. II, **53** *American Sociological Review*, 1-8.

зывает позитивный эффект на общее количество индивидов, предоставляющих коллективное благо и на общее количество этого предоставляемого блага»⁸³. Действительно, чем больше размер группы, тем больше, при прочих равных условиях, среди участников объединения будет тех индивидов, которые настолько заинтересованы в предоставлении блага, что готовы оплачивать его самостоятельно, частным порядком, не взирая даже на возникающую проблему безбилетника.

Более того, чем больше размер группы, состоящей из индивидов с гетерогенными интересами, тем меньше, при прочих равных условиях, будет число индивидов, составляющих критическую массу, то есть, минимальное число индивидов, готовых самостоятельно предоставлять благо, необходимое для того, чтобы благо действительно было предоставлено. Последнее связано с тем обстоятельством, что в группе большего размера увеличивается ожидаемое максимальное значение степени заинтересованности индивида в получении блага.

Предположим, что имеется группа из N индивидов, обладающих возможностью доступа к какому-то благу, например, к компьютеру, предположим также, что этот компьютер не оснащен каким-то дополнительным оборудованием, например, модемом. Стоимость модема -125\$, сумма, с которой готов расстаться средний член группы для того, чтобы приобрести модем для общественного компьютера (то есть, математическое ожидание) -5\$, стандартное отклонение -1\$. Предположим также, что существует нормальное распределение заинтересованности индивидов, входящих в группу в установке этого модема. В этом случае при N = 100 критическая масса составит 20 человек, при N = 1000 - 17 человек, а при N = 10000 - 16 человек.

Таким образом, очевидно, что выводы Мансура Олсона о превосходстве малых групп над большими, латентными группами в обеспечении своих членов коллективным благом не могут быть распространены на неконкурентные в потреблении блага, то есть, пользуясь классификацией благ, приведенной в первом разделе, как раз на блага, имеющие коллективный характер.

оздание общественных благ как функция государства. Так как одной из отличительных черт общественных благ является невозможность исключения кого-либо из их потребления, рыночные стимулы не способны обеспечить производство общественных благ. Иными словами, блага, которые характеризуются отсутствием исключительности к их доступу могут производиться частным порядком только в том случае, когда заинтересованность какого-либо индивида или группы в таких благах настолько велика, что этот индивид или группа готовы взять на себя все издержки предоставления таких благ, понимая при этом, что выгоды от потребления производимых благ достанутся не только их создателям, но и всем другим членам общества. Фактически при потреблении общественных благ имеет место размывание прав собственности на эти блага, которое оказывает крайне отрицательное воздействие на стимулы индивидов к производству такого рода благ. Возникает проблема безбилетника, то есть ситуация, когда «каждый из членов группы предпочел бы, чтобы платил кто-то другой, а он лишь наслаждался плодами» 85.

.

⁸³ Ibid., 3.

⁸⁴ Ibid., 5.

⁸⁵ Олсон М. (1995), *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*, М.: Издательство ФЭИ, с.19.

Иными словами, без дополнительных стимулирующих механизмов частное предоставление общественных благ если и не становится невозможным во всех случаях, то приобретает характер случайного события, вероятность осуществления которого, при прочих равных условиях, крайне невелика.

С другой стороны, общество заинтересовано в производстве общественных благ, важнейшими из которых являются спецификация и защита прав собственности. Более того, наличие этих благ является ключевым условием существования экономики, основанной на таких институтах, как рынок или частная собственность. В противном случае издержки частной спецификации и защиты прав собственности могут оказаться запретительно высокими для многих индивидов, а остальные вынуждены будут инвестировать значительные ресурсы в обеспечение исключительности доступа к своей собственности.

Кроме того, режим, при котором права собственности специфицируются и поддерживаются исключительно частным порядком весьма нестабилен, и эта нестабильность возрастает прямо пропорционально развитию технологии производства оружия. Осознание экономическими агентами, действующим в таком обществе, шаткости существующего порядка и вытекающей из него угрозы для своей собственности приведет к сокращению у них экономических горизонтов планирования и росту индивидуальной ставки дисконтирования будущих доходов, подрывая, таким образом, стимулы к осуществлению не только долгосрочных, но и среднесрочных инвестиций.

Таким образом, государство, в определенном смысле, явление весьма парадоксальное, так как ключевые, основополагающие институты современного господствующего экономического порядка – рынок и частная собственность – фактически оказываются нежизнеспособными без механизмов, основывающихся на прямо противоположных принципах. Отсутствие, либо недостаточное производство общественных благ может привести общество, основанное на принципах частной собственности, к ситуации, напоминающей положение вещей на планете Плюк в галактике Кин-дза-дза, где спецификация и защита прав собственности связана для большинства граждан с запретительно высокими издержками, поэтому большинство необходимых атрибутов современного общества фактически отсутствует.

Рассматривая государство как агентство по производству общественных благ, необходимо обратить внимание на две вещи. Во-первых, государство может как самостоятельно производить общественные блага (например, такие блага как оборона от внешней агрессии или установление единых общегосударственных стандартов), так и финансировать их производство частными структурами (например, строительство автомобильных дорог или утилизация мусора). И в том и в другом случае государство берет на себя расходы, связанные с производством общественных благ.

Во-вторых, практически все производимые государством общественные блага можно свести к спецификации и защите прав собственности и свободы. Это касается и тех благ, которые, на первый взгляд, не имеют к спецификации и защите прав никакого отношения. В частности, предоставление в необходимом обществу объеме такого блага, как «равномерное распределение доходов» влияет на стимулы наименее обеспеченных членов общества, уменьшая их склонность к совершению преступлений. Это приводит к снижению уровня преступности в обществе и, таким образом, сокращению частных и общественных расходов на

защиту прав собственности и свободы. Другой пример — общественное благо под названием «средний уровень образования членов общества». Как показывают эмпирические исследования, склонность индивидов к участию в противоправных действиях сокращается по мере роста их образовательного уровня. Этот факт объясняется, во-первых, тем, что ожидаемый уровень доходов индивида напрямую зависит от уровня его образования, а во-вторых, тем, что увеличение образованности изменяет предпочтения индивидов, увеличивая для них нематериальные издержки совершения преступлений.

Тимерова и защита правил как общественное благо. Государство специфицирует и защищает права собственности и свободы путем создания и поддержания системы формальных правил. О том, насколько установленные государством формальные правила соответствуют экономическим интересам общества, речь пойдет ниже. В этом же разделе мы остановимся на общественном характере этого блага.

Что касается формальных правил (также, впрочем, как и неформальных) общественный характер этого блага фактически означает их принятие всеми или, по крайней мере, подавляющим большинством членов общества. По словам Д. Норта, «институты — это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми... они задают структуру человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике» ⁸⁶.

Иными словами, отсутствие неких единых, принимаемых всеми или, по крайней мере, большинством членов общества правил (как формальных, так и неформальных) затрудняет экономический обмен между индивидами. Более того, когда единых правил не существует обмен, скорее всего, будет просто невозможен. Рассмотрим такую ситуацию: существует группа людей, не связанных между собой какими-либо едиными для всех ограничениями, то есть каждый член группы сам формирует для себя правила поведения в каждой конкретной ситуации, ориентируясь на собственные предпочтения, привычки и т.д. Предположим также, что часть индивидов в этой группе придерживаются при взаимодействии с другими индивидами, условно говоря, «честной» стратегии поведения, не предполагающей обман контрагента, а другая часть индивидов из этой группы, наоборот, склонна к оппортунистическому поведению. Еще одна необходимая для нашего примера предпосылка – ех ante отсутствие у входящих в группу индивидов информации о том, к какой именно части группы («честной» или «оппортунистической») принадлежит тот или иной человек. Иными словами, каждый член группы может уверенно предсказать характер поведения в случае взаимолействие только одного человека – себя самого.

Предположим далее, что двое индивидов, входящих в эту группу пытаются заключить сделку, предполагающую взаимовыгодный обмен продуктами труда. Далее, наличие информационной асимметрии между сторонами (эта асимметрия может быть связана с характером обмениваемых благ) позволяет реализовать оппортунистическую стратегию поведения в том случае, если один или оба ин-

⁸⁶ Норт Д. (1997), Институты, институциональные изменения и функционирование экономики, М.: Начала, с.17.

дивида принадлежат к «оппортунистической» группе. Пусть платежная матрица выглядит следующим образом:

		Индивид А	
		Обманывать	Не обманы-
Индивид В			вать
	Обманывать	(4; 4)	(0; 18)
	Не обманывать	(18; 0)	(10; 10)

Если индивид A принадлежит к «честной» части группы, а индивид $B-\kappa$ «оппортунистической», доминирующей стратегией будет (не обманывать; обманывать) и выигрыш A будет равен 0, в то время как выигрыш B составит 18 денежных единиц 87 .

Очевидно, что если для А возможно повторное взаимодействие (причем, совершенно не обязательно с индивидом В, а вообще, с любым индивидом из данной группы), перед А возникает дилемма: либо пренебречь возможными выгодами и вообще не совершать обмен, либо изменить свою стратегию поведения на оппортунистическую. Доминирующей стратегией в последнем случае будет (обманывать; обманывать) (в том случае, если контрагент А принадлежит к «оппортунистической» части группы), либо (обманывать; не обманывать) (если контрагент из «честной» части). Вполне понятно, что после ряда такого рода взаимодействий в группе не останется индивидов, придерживающихся «честной» стратегии поведения и при этом желающих вступать в отношения обмена с другими членами группы. Доминирующей стратегией для всех сделок станет стратегия (обманывать; обманывать) и совокупный общественный выигрыш от как дой сделки будет на 12 единиц меньше того выигрыша, который был бы возможен, если бы все члены данной группы придерживались «честной» стратегии. Фактически, в данном случае, при отсутствии единых правил, принятых всеми членами группы, или, по крайней мере, неким критическим большинством последних, имеет место ситуацию ухудшающего отбора, что, разумеется, не может не сказаться отрицательно на благосостоянии всей группы.

Приведенные выше рассуждения, вообще говоря, справедливы для любых правил: как формальных, так и неформальных. И те и другие представляют собой неконкурентные в потреблении блага и, при прочих равных условиях, благосостояние общества тем выше, чем больше его членов руководствуются едиными формальными или неформальными правилами. Заметим, что речь в данном случае идет лишь о распространении единых правил там, где раньше ничего подобного не было, а не о замене одной системы правил на другую. В последнем случае экономические последствия для общества однозначно определить нельзя.

Формальные правила обладают перед правилами неформальными рядом преимуществ. Во-первых, издержки распространения неформальных правил, в общем случае, выше, по срав-

⁸⁷ В данной платежной матрице отражены только материальные выгоды индивидов при выборе той или иной стратегии поведения: здесь отсутствуют, в частности, моральные выгоды индивида, принадлежащего к «честной» части группы, связанные с отсутствием для него необходимости обманывать своего контрагента. Иными словами, первоначальный выбор индивидом, принадлежащим к «честной» части группы, соответствующей неоппортунистической стратегии обусловлен не только отраженными в данной матрице материальными условиями взаимодействия, но и экзогенно заданными первоначальными поведенческими установками этого индивида, которые, в свою очередь, могут быть отражением его предыдущего опыта такого рода взаимодействий, воспитания, личностных характеристик и т.д. В этом смысле представленная платежная матрица, строго говоря, не является простой задачей теории игр.

нению с издержками распространения правил формальных. Последние, в силу этого, могут быть распространены на большие группы людей и на большие территории, по сравнению с неформальными правилами.

Во-вторых, формализация правил позволяет обществу экономить на трансакционных издержках, в частности на издержках измерения: «Возрастающая сложность общества, естественно, повышает отдачу от формализации ограничений (которая становится возможной с развитием письменности), а технологические изменения способствуют снижению издержек оценки и поощряют применение точных, стандартизированных мер и весов» 88.

В-третьих, формальные ограничения поддерживаются государством, что, в большинстве случаев, соответствует интересам общества.

Вообще говоря, вопрос о том, является ли защита правил общественным благом не столь тривиален, каким может показаться на первый взгляд. В современной экономической теории по-прежнему остается распространенной точка зрения, в соответствии с которой предоставление блага «защита правил» частным порядком, вообще говоря, более эффективно для общества, чем производство этого блага как общественного. В частности, такую точку зрения отстаивали в своей очень известной работе нобелевские лауреаты по экономике Джордж Стиглер и Гэри Беккер⁸⁹. В модели, представленной этими исследователями индивиды и частные фирмы самостоятельно преследуют нарушителей закона, задерживают их и, соответственно, им же достается и штраф, взыскиваемый с правонарушителей (этот штраф включает и возмещение частных расходов на преследование и задержание нарушителей). В том случае, если частной фирме не удается поймать преступника, она, естественно, вынуждена взять на себя все расходы, связанные с этой неудачной попыткой. Важно заметить, что в модели Беккера -Стиглера существует только одна форма наказания преступников – денежный штраф, как компенсация нанесенного ущерба. Основной вывод американских исследователей заключается в том, что частная защита прав в два раза эффективнее их общественной защиты.

Подход Стиглера и Беккера был подвергнут критике, в частности, со стороны не менее известных экономистов Ричарда Познера и Уильяма Ландеса. Вообще говоря, идея частной защиты формальных правил только на первый взгляд кажется неожиданной и даже революционной. «При защите контрактов, в случаях гражданских правонарушений и нарушений прав собственности, например, роль государства ограничивается, по существу, поддержанием судебной системы; действительно, защита большинства контрактов, как формальных, так и неформальных, обеспечивается просто угрозой разрыва отношений с нарушителем» Другие примеры частной защиты правил: деятельность полицейских информаторов и шантажистов. В прошлом частная защита формальных правил распространялась и на криминальное право, в частности, парламент и муниципальные власти Англии в эпоху Революции платили вознаграждение за задержание и осуждение преступников, и в случаях, когда преступник наказывался штрафом, этот штраф делился между Короной и тем, кто задержал преступника.

⁸⁸ Там же, с.67

⁸⁹ Becker, Gary. S. and Sigler, George J. (1974), Law Enforcement, Malfeasance and Compensation of Enforcers, *3 Journal of Legal Studies*, 1 – 18.

⁹⁰ Landes, William M. and Posner, Richard A. (1974), The Private Enforcement of Law, *NBER Working Paper Series*, Working Paper No.62, 1.

В действительности, как показывают Ландес и Познер, заключение Беккера и Стиглера о большей общественной эффективности частной защиты формальных правил не может быть признано абсолютно верным даже в той гипотетической ситуации, которая как раз и была ими рассмотрена, когда единственным способом наказания преступников являются денежные штрафы, налогообложение частных защитников правил отсутствует, а индивиды обладают полной информацией, что означает фактическую невозможность судебных ошибок и оппортунистического поведения.

Снятие этих недостаточно реалистичных предпосылок еще в большей степени подкрепляют такую точку зрения.

Во-первых, в ситуации, когда защита формальных правил осуществляется индивидами или частными фирмами на тех же принципах, что и любая другая экономическая деятельность, очевидно, что также как и любая другая экономическая деятельность, частная защита формальных правил должна облагаться налогами. Налогообложение, однако, создает разрыв между той суммой, которую в виде штрафа платит преступник и той, которую в итоге получает коммерческая фирма, задержавшая его и/ или доказавшая его вину. Этот разрыв создает предпосылки для сговора между преступником и частным защитником формальных правил: дача преступником взятки тому, кто его задержал или доказал его вину выгодна обеим сторонам. Стоит заметить, что критика Стиглером и Беккером общественного механизма защиты формальных правил опирается, в первую очередь, на тот факт, что государственная поддержка правил создает стимулы для взяток и коррупции. В случае, когда частные защитники правил облагаются налогами, этот аргумент может быть с равным успехом применен и к частному механизму защиты.

Во-вторых, если допустить возможность ошибок в правоприменении. В этом случае у частных фирм и индивидов, действующих на рынке защиты формальных правил появляются стимулы к оппортунистическому поведению. Действительно, их доходы напрямую зависят от количества совершаемых преступлений (чем выше уровень преступности в обществе, тем, при прочих равных условиях, дешевле обходится поимка и установление вины среднего преступника). Оппортунистическое поведение частных защитников правил может реализовываться в различных формах:

- 1. Обвинение может быть сфабриковано. То есть частные фирмы, занимающиеся защитой формальных правил могут задержать невиновного человека за преступление, которого не было.
- 2. Невиновный может понести наказание за преступление, которого он не совершал, так как доходы частных защитников закона зависят от количества пойманных ими преступников.
- 3. Частные защитники формальных правил могут спровоцировать индивида на нарушение закона.
- 4. Зная о готовящемся преступлении, частные полицейские не станут его предотвращать, а дождутся его совершения, так как наказание преступника, а следовательно и доходы тех, кто его задержал будут в этом случае выше (предполагается, что тяжесть наказания напрямую зависит от причиненного преступником ущерба).

В-третьих, если отказаться от нереалистичной предпосылки о штрафах, как единственной форме наказания правонарушителей и допустить возможность

тюремного заключения преступников, станет ясно, что без дополнительного стимулирования со стороны государства частные фирмы не смогут бороться с преступностью. Если же государство будет оплачивать услуги частных фирм и индивидов по задержанию преступников и установлению их вины, то, вопервых, общество вынуждено нести дополнительные расходы, а во-вторых, у этих фирм и индивидов появляются стимулы к рентоориентированному поведению, так как вознаграждение частных защитников формальных правил в такой ситуации зависит от государственной перераспределительной системы.

Сравнивая эффективность частного и общественного механизмов защиты правил, нельзя, однако, не коснуться еще одной из принятых Беккером и Стиглером, а затем и Ландесом и Познером предпосылок, а именно, предположения, что издержки задержания и осуждения преступников не зависят от того, каким порядком, частным или общественным, осуществляется защита формальных правил. Эта предпосылка была снята Полински⁹¹, который пришел к следующим выводам:

«Выгоды от координации усилий по защите правил — например, исключение дублирования следственных усилий и эксплуатация экономии на масштабе при обработке информации — доступны в условиях государственной или монопольной защиты правил и не достижимы в условиях конкуренции. Во-вторых, мотив получения прибыли, как можно предположить, приведет к тому, что издержки частной защиты правил будут ниже издержек их общественной защиты. В-третьих, когда доходы от штрафов в ситуации государственной защиты правил не покрывают расходов, возможно появление издержек мертвого груза, связанных с финансированием этих расходов из других источников. Соответственно, если доходы от штрафов превышают расходы на борьбу с преступностью, эффективный уровень общественных усилий должен быть ниже. Уравновешивая эти соображения, можно предположить, что монопольная защита правил будет дешевле их защиты в условиях конкуренции, но общественная защита будет более или менее дороже частной» 92.

Однако, тот факт, что частная защита формальных правил скорее всего окажется дешевле их общественной защиты еще не означает, что первая предпочтительнее второй с точки зрения общественного благосостояния. Основная цель частных компаний, занимающихся борьбой с преступностью — максимизация прибыли, то есть максимизация количества пойманных преступников. Последнее, как отмечалось выше, напрямую связано с уровнем преступности в обществе. Основная цель общества — сокращение количества совершаемых преступлений, именно поэтому основной функцией наказания является сдерживание потенциальных преступников. Однако, частные защитники права ни коим образом не заинтересованы в таком сдерживании, и это, пожалуй, главный аргумент в пользу общественной защиты формальных правил.

⁹¹ Polinsky, A. Mitchell (1980), Private versus Public Enforcement of Fines, **9** *Journal of Legal Studies*, 105-127.

⁹² Íbid., 107.

5.2. Спонтанный экономический порядок и идеальные типы государства

роисхождение государства: экономическая теория анархии. Важно заметить, что из наличия у государства сравнительных преимуществ в эффективности производства общественных благ так или иначе связанных со спецификацией и защитой прав собственности не следует непосредственно необходимость его возникновения: далеко не каждый эффективный общественный институт оказывается жизнеспособным институтом. Для того, чтобы объяснить процесс генезиса государственной власти необходимо обратиться в первую очередь к целевым функциям индивидов, составляющих основу этой власти.

Вопрос о происхождении государства интересовал множество людей еще до появления экономической науки как таковой. Определенный прорыв в объяснении причин и механизмов возникновения государственной власти был достигнут философией Нового Времени.

Этот прорыв связывают, в первую очередь, с именами английских философов Томаса Гоббса и Джона Локка и француза Жана-Жака Руссо. Каждый из них принимал за точку отсчета общественного развития некое «естественное состояние» общества — состояние, которое многие современные исследователи называют «анархией». Вообще говоря, каждый из этих философов понимал под категорией «естественное состояние» нечто свое, причем понимания Гоббса и Руссо достаточно близки друг к другу (хотя оценивается это естественное состояние ими диаметрально противоположно) и сильно отличаются от понимания естественного состояния общества Джоном Локком.

«Естественное состояние» по Гоббсу и Руссо предполагает фактически полное отсутствие какого-либо положительного сотрудничества между находящимися в нем индивидами, поэтому права собственности и все остальные атрибуты цивилизации отсутствуют как таковые. Однако, как убедительно показали многочисленные антропологические исследования и исследования биологов, занимающихся изучением поведения приматов, в такого рода «естественном состоянии» никогда не находились (да и не могли находиться) не то что люди, а даже высшие приматы.

Нет никаких сомнений в том, что предок у людей и у человекообразных обезьян (горилл и шимпанзе) один и тот же. Из общих особенностей социального поведения людей и человекообразных обезьян мы можем сделать заключение о гомологичности их поведения, обусловленности его существованием одного и того же предка и у тех, и у других. Шимпанзе, так же как и люди, живут группами, их поведение регулируется с помощью внутригрупповых правил, в этих группах существует устойчивая иерархическая система. Более того, исследователи обнаружили у шимпанзе зачатки частной собственности и даже нечто, очень напоминающее человеческие войны. Таким образом, по словам П. Рубина: «Никогда не было такого времени, когда люди жили бы без общественных правил. По мере того, как наши предки развивались и становились более разумными, правила усложнялись, но состояния, в котором люди жили бы без правил не может быть

определено. «Естественное состояние», в таком случае, описывается правилами, существовавшими на тот момент, когда люди стали людьми» ⁹³.

Таким образом, «естественное состояние» в понимании Руссо и Гоббса представляет собой химеру, никогда не существовавшую в действительности. В современном понимании, анархическое состояние общества – это система, в которой участники захватывают чужие ресурсы и защищают свои при отсутствии регулирования этого процесса сверху. Анархия - «это не хаос, а скорее спонтанный порядок»⁹⁴. Такое понимание анархии достаточно близко к пониманию «естественного состояния» общества Джоном Локком: в «естественном состоянии» по Локку присутствуют такие институты, как церковь, семья, собственность и т.д., нет только института государственной власти. Иными словами, Хиршлейфер и другие современные исследователи, вслед за Локком, рассматривают анархию, как феномен, описывающий взаимодействие не обособленных индивидов, а их групп, абстрагируясь от механизмов взаимодействия индивидов внутри этих групп. При таком подходе с помощью категории анархического взаимодействия могут быть описаны не только взаимоотношения первобытных племен, но и, например, международная борьба за контроль над мировыми ресурсами, ведущаяся на уровне независимых государств или любая война между независимыми государствами.

В истории экономики существует множество примеров более или менее длительного существования сообществ без центральной власти. Существует масса исследований, объясняющих причины устойчивого существования таких сообществ. В частности, по мнению Глакмана, исследовавшего жизнь народа нуэров, главными среди этих причин являются наличие в таких сообществах институтов возмездия за нанесенный ущерб, поддерживаемых специальными группами возмездия: именно таким образом, в частности, до сих пор поддерживается существующий даже в некоторых европейских сообществах институт вендетты, предполагающий, что все кровные родственники несут коллективную ответственность за каждого члена группы 95. Другим важнейшим институтом, поддерживающим равновесие в безгосударственных сообществах, Глакман называет институт компенсации: механизм избежания возмездия с помощью значительной материальной компенсации. Оба этих института выступают в роли средств сдерживания потенциального нарушителя, снижая, таким образом, издержки обеспечения прав собственности.

Ричард Познер сосредоточивает свое внимание на роли, которую играет в безгосударственных сообществах институт взаимного страхования от голода⁹⁶. Отсутствие развитой технологи общественного производства, низкий уровень развития научно-технических знаний, ограниченный ассортимент производимой в таких сообществах продукции, отсутствие внешней торговли, слабое развитие техники делают риск неурожая в первобытных земледельческих сообществах колоссальным. Поэтому главным экономическим мотивом индивидов в таком сообществе становится не максимизация индивидуального дохода, а выжива-

⁹³ Rubin, Paul H. (1998), The State of Nature and the Evolution of Political Preferences, *Department of Economics Emory University Working Paper Series*, 4.

⁹⁴ Hirshleifer, Jack (1995), Anarchy and its Breakdown, 103 Journal of Political Economy, 26.

⁹⁵ Gluckman, Max (1956), Custom and Conflict in Africa, Oxford: Basil Blackwell.

⁹⁶ Posner, Richard A. (1980), A Theory of Primitive Society, with Special Reference to Law, **23** *Journal of Law and Economics*, 1-53.

ние, которое легче обеспечить не по одиночке, а всей группой. Поэтому в таких группах и возникают институты взаимного страхования, включающие в себя распределение внутри группы излишков урожая, приношение даров, брачные и родственные правила и другие институты, способствовавшие относительному выравниванию богатства у всех членов сообщества.

Наконец, Амбек, исследовавший в своих работах механизмы формирования и поддержания прав собственности во время калифорнийской «золотой лихорадки» ⁹⁷, выделил в качестве еще одного необходимого условия жизнеспособности безгосударственного сообщества относительно равномерное распределение потенциала насилия в таком сообществе. Независимые старатели в модели Амбека распределяют свои усилия между добычей золота на своем участке и насилием, которое принимает форму вытеснения других лиц с участка земли. Отдача от усилий и в том, и в другом случае сокращается, поэтому каждый старатель будет стремиться к равенству предельных продуктов усилий обоих типов. Иначе говоря, индивид, обладающий сравнительными преимуществами в осуществлении насилия будет, при прочих равных условиях, обладать участком большим, по сравнению с другими старателями, участком земли. Если снять предпосылку об относительно равномерном распределении потенциала насилия, увеличивается вероятность появления такого индивида или группы, который найдет для себя выгодным захватить все имеющиеся участки. Если, далее, мы предположим, что потенциал насилия, при прочих равных условиях, распределяется пропорционально богатству членов общества, то выводы Амбека и Познера тесно связаны друг с другом.

На сегодняшний день спонтанный экономический порядок сохранился только в наименее развитых обществах (да и то, лишь отчасти). Поэтому вопрос о том, почему такой порядок оказывается нежизнеспособен в долгосрочном аспекте представляется более интересным, чем вопрос о механизмах самоподдержания такого порядка. Для того, чтобы ответить на этот вопрос обратимся к теории анархии, предложенной Джеком Хиршлейфером.

Первоначально в его модели действуют всего два индивида или группы, распределяющие имеющиеся у них ресурсы между производством благ и насилием, целью которого является не только захват чужих ресурсов, но и защита собственных (захват чужих потребительских благ и защита своих в модели не рассматривается):

$$R_i = a_i E_i + b_i F_i$$

 Γ де i = 1, 2; E_i – производственные усилия i-того индивида, F_i – его военные усилия; a_i и b_i — издержки конверсии единицы ресурсов в производственные и военные усилия соответственно.

Интенсивность производственных и военных усилий і-того индивида определяется как:

$$e_i \equiv \frac{E_i}{R_i}, f_i \equiv \frac{F_i}{R_i}$$

Соответственно:

 $a_i e_i + b_i f_i = 1$

Далее, Хиршлейфер рассматривает доход, получаемый каждым из индивидов как степенную функцию от используемых ресурсов:

⁹⁷ Cm.: Umbeck, John R. (1978), A Theory of Contractual Choice and the California Gold Rush, **2** *Journal of Law and Economics*, 421-437; Umbeck, John R. (1981), *A Theory of Property Rights with Applications to the California Gold Rush*, Ames: Iowa State University Press.

$$Y_i = E_i^h = (e_i R_i)^h$$

Доля ресурсов, которую контролирует каждый из индивидов определяется эффективностью военных усилий и равняется p_i ($p_1 + p_2 = 1$; $R_i = p_i R$). Технология конфликта отражается функцией успеха в соперничестве (Contest Success Function – CSF), которая определяет пропорцию успеха (p_1/p_2) как функцию относительных военных усилий (F_1/F_2):

$$\frac{p_1}{p_2} = \left(\frac{F_1}{F_2}\right)^m$$

Здесь m- ключевой для дальнейшего анализа «параметр решительности», отражающий эффективность наступательных военных усилий, относительно эффективности оборонительных усилий, m>0.

Из предыдущего уравнения можно получить доли ресурсов, контролируемых каждым из индивидов, как функциональные зависимости от F_1 и F_2 :

$$p_1 = \frac{F_1^m}{F_1^m + F_2^m}, p_2 = \frac{F_2^m}{F_1^m + F_2^m}$$

На рис. 5.1 отражена взаимосвязь между долей ресурсов, которую контролирует 1-й индивид и его военными усилиями при фиксированных военных усилиях второго индивида и различных m.

Здесь на горизонтальной оси отражены военные усилия F_1 , а на вертикальной – доля ресурсов, контролируемых первым индивидом (p_1).

Стоит заметить, что вообще говоря, термин «военные усилия» условен. Этот показатель может быть применен, например, к ситуации соперничества политических партий за власть в современной демократической стране. Поэтому и действие «параметра решительности» отнюдь не ограничивается ситуацией вооруженного противоборства двух индивидов или групп. Так, например, в современных демократиях такие институты, как права человека и разделение властей сокращают этот параметр.

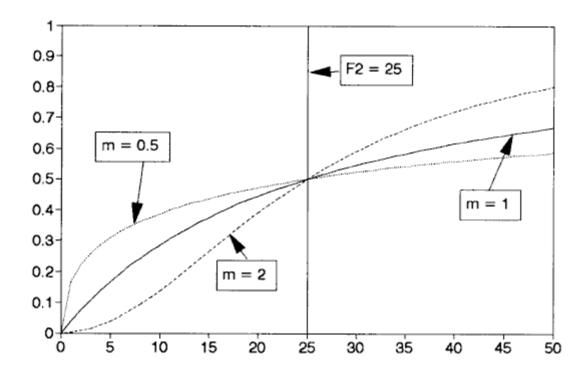

Рисунок 5.1. Функция успеха в соперничестве⁹⁸

⁹⁸ Hirshleifer, Jack (1995), Anarchy and its Breakdown, 103 Journal of Political Economy, 32.

Из предшествующих выкладок получаем:

$$\frac{R_1}{R_2} = \left(\frac{F_1}{F_2}\right)^m = \frac{(f_1 R_1)^m}{(f_2 R_2)^m}$$

И, наконец, приходим к условиям равновесия между выбираемыми сторонами уровнями интенсивности военных усилий и долями ресурсов, которые контролирует каждая из сторон:

$$f_1^m R_1^{m-1} = f_2^m R_2^{m-1},$$

$$\frac{p_1}{p_2} = \left(\frac{f_1}{f_2}\right)^{m/(1-m)}$$

Из последнего уравнения следует, что при стремлении m к единице, $p_1/p_2 \rightarrow 0$, если $f_1 > f_2$, и $p_1/p_2 \rightarrow \infty$, если $f_1 < f_2$ (см. рис. 5.2).

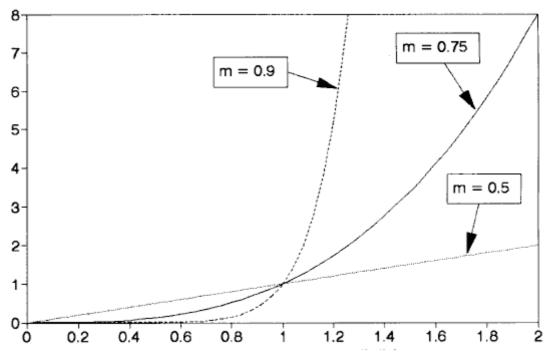
На этом рисунке по горизонтальной оси отложена относительная интенсивность военных усилий (f_1/f_2) , а по вертикальной – пропорция успеха (p_1/p_2) .

Из всего предшествующего изложения вытекает первое условие, при соблюдении которого анархическая система будет относительно устойчивой, а именно, для динамической стабильности системы необходимо, чтобы «параметр решительности» был меньше 1. Проиллюстрируем это числовым примером. Положим $R=100,\,f_1=0,1,\,f_2=0,2,\,m=2/3$. Тогда:

$$\frac{p_1}{p_2} = \frac{R_1}{R_2} = \left(\frac{f_1}{f_2}\right)^{m/(1-m)} = \left(\frac{0,1}{0,2}\right)^2 = \frac{1}{4}$$

 $R_1 = 20, R_2 = 80.$

Рисунок 5.2. Интенсивность военных усилий и пропорция успеха⁹⁹

Если первоначальное распределение ресурсов иное, то каждое последующее взаимодействие между противоборствующими сторонами будет асимптотически приближать распределение ресурсов к равновесному уровню. Например, в рассмотренном примере, при сохранении всех остальных параметров, если первоначально ресурсы распределены в пропорции $3/2~(R_1^{\ 0}=60,~R_2^{\ 0}=40)$, то конфликтное взаимодействие между сторонами в первом периоде приведет к

⁹⁹ Ibid., 34.

новому распределению ресурсов: $R_1^{\ 1}=45,2,\ R_2^{\ 1}=54,8.$ Продолжение конфликта во втором периоде установит новые параметры распределения ресурсов: $R_1^{\ 2}=35,7,\ R_2^{\ 2}=64,3.$ И так далее.

Если же параметр m > 1, например, m = 2, распределение ресурсов не будет стремиться к равновесному состоянию. Так, в рассматриваемом примере, при $R_1^0 = 60$, $R_2^0 = 40$ и m = 2, $R_1^1 = 36$, $R_2^1 = 64$; $R_1^2 = 7.3$, $R_2^2 = 92.7$, и так далее. То есть, система удаляется от равновесия с каждым следующим взаимодействием.

Другим необходимым условием стабильности анархической системы будет, естественно, наличие у каждой из соперничающих сторон в динамическом равновесии по меньшей мере минимального уровня доходов, у, обеспечивающего выживание каждого из конкурентов $(Y_i \ge y, i = 1, 2)$.

Заметим также, что эти два условия являются не достаточными, но только необходимыми условиями устойчивости анархической системы.

Далее, предположим, что каждая из конкурирующих сторон пытается максимизировать свой собственный доход, выбирая оптимальную интенсивность своих военных усилий и полагая заданной интенсивность усилий конкурента. Очевидно, что в этом случае мы имеем дело с классической дуополией Курно. Целевые функции соперничающих индивидов или групп будут выглядеть как:

$$\max_{f_i} Y_i = E_i^h = (e_i R_i)^h = (e_i R p_i)^h = \left(\frac{e_i R f_i^M}{f_1^M + f_2^M}\right)^h$$

Где i = 1, 2; $a_i e_i + b_i f_i = 1$; $M \equiv m/(1-m)$.

Решая это уравнение для каждого из соперников, получаем соответствующие кривые реакции (RC_1 и RC_2):

$$\frac{f_1^M}{f_2^M} = \frac{M}{b_1 f_1} - (M+1),$$

$$\frac{f_2^M}{f_1^M} = \frac{M}{b_2 f_2} - (M+1)$$

Если же принять достаточно реалистичную для условий анархии предпосылку, что и производственные и военные технологии обоих субъектов одинаково эффективны, мы получим условие равновесия при симметричном двустороннем конфликте:

$$f_1 = f_2 = \frac{M}{b(M+2)} = \frac{m}{b(2-m)}$$

Как показывает это уравнение, интенсивность военных усилий сторон при симметричном конфликте обратно пропорциональна издержкам конверсии единицы ресурсов в военные усилия, и прямо пропорциональна «параметру решительности», отражающему эффективность наступательных военных усилий, относительно эффективности оборонительных усилий.

Симметричное решение при b = 1 отражено на рис. 5.3.

Здесь по горизонтальной оси отложена интенсивность военных усилий первого индивида или группы, а по вертикальной – второго индивида или группы. Как видно на этом графике, равновесный объем военных усилий увеличивается с ростом m.

Так как, при симметричном конфликте $p_1 = p_2 = 1/2$, максимальный для каждой из сторон доход будет представлен следующим уравнением:

$$Y_i = (e_i p_i R)^h = \left(\frac{1-m}{a(2-m)}R\right)^h$$

Иначе говоря, доход каждой из сторон растет с увеличением совокупного объема доступных ресурсов R и ростом параметра производительности h; и падает с ростом «параметра решительности» m и издержек конверсии единицы ресурсов в производственные усилия а.

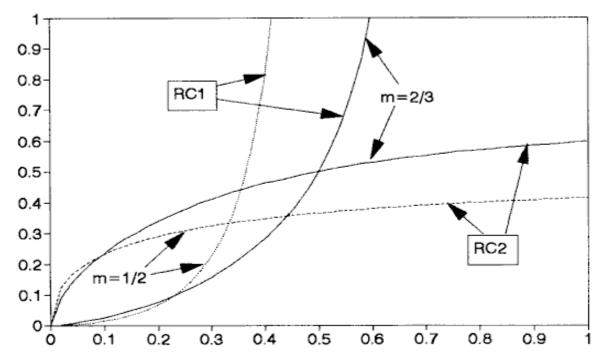
Следующим шагом будет увеличение числа индивидов или групп, действующих в анархической системе до N. В этом случае целевая функция первого из этих конкурентов будет выглядеть как:

$$\max_{f_{11}} Y_1 = (e_1 R_1)^h = (e_1 p_1 R)^h = \left(\frac{e_1 R f_1^M}{f_1^M + f_2^M + \dots + f_N^M}\right)^h$$

Соответственно, кривая реакции первого конкурента RC1:

$$\frac{f_1^M}{f_2^M + \dots + f_N^M} = \frac{M}{b_1 f_1 - (M+1)}$$

Рисунок 5.3. Кривые реакции для m = 1/2 и $m = 2/3^{100}$

Если мы, как и в предыдущем случае, предположим, что издержки конверсии единицы ресурсов в производственные и военные усилия равны у всех конкурентов ($a_i = a; b_i = b$), то решение этого симметричного конфликта будет выглядеть как:

$$f_1 = f_2 = \dots = f_N = \frac{M/b}{M+1 \left[\frac{1}{(N-1)} \right]} = \frac{m(N-1)}{b(N-m)}$$

Если рассмотренное выше необходимые динамические условия стабильности анархической системы соблюдаются (то есть 0 < m < 1; $Y_i \ge y$), то увеличение числа конкурентов в этой системе приведет к увеличению равновесной интенсивности военных усилий, и, как следствие, при прочих –равных условия, к сокращению дохода каждого из этих конкурентов.

Если доступные совокупные ресурсы равны R и не изменяются при изменении числа соперников в анархической системе, равновесный доход i-того соперника в ситуации симметричного конфликта составит:

$$Y_i = (e_i p_i R)^h = \left[\frac{1-m}{a(N-m)}R\right]^h$$

Иными словами, в случае, когда совокупные ресурсы зафиксированы на каком-то уровне R, увеличение числа соперников в симметричной анархической структуре приведет к сокращению дохода каждого из них.

¹⁰⁰ Ibid., 36.

Если же количество совокупных доступных ресурсов меняется пропорционально изменению числа конкурентов в анархической структуре ($R \equiv rN$), равновесный доход i-того конкурента при симметричности конфликта будет равен:

$$Y_i = (e_i p_i R)^h = \left[\frac{1-m}{a(N-m)}rN\right]^h$$

Однако, даже в этом, не самом реалистичном случае (очевидно, что максимально реалистичный случай — когда совокупные ресурсы увеличиваются с ростом числа конкурентов в анархической структуре, но не таким темпом: $\partial R/\partial N>0$; $\partial^2 R/\partial N^2<0$) равновесный доход каждого из конкурирующих индивидов или групп будет падать с ростом N, так как вырастет равновесная интенсивность военных усилий f. Рассмотрим следующий числовой пример. При R = 100, N = 2, h = 1, m = 2/3, a = b = 1, равновесная интенсивность военных усилий для каждого из участников конфликта составит: $f_1 = f_2 = 1/2$, а доход каждого из них (Y_i) будет равен 25. Если же равномерно (допустим, вдвое) увеличить R и N, то, ceteris paribus, равновесные военные усилия составят: $f_1 = f_2 = f_3 = f_4 \approx 0.857$, а равновесный доход каждого: $Y_i = 20$.

Основные выводы, к которым пришел в своей теории анархического взаимодействия Джек Хиршлейфер, следующие: для устойчивого существования анархической структуры необходимо, во-первых, чтобы «параметр решительности» тельных усилий, относительно оборонительных усилий, был не больше 1; во-вторых, чтобы уровень доходов конкурентов был не меньше минимального значения; в-третьих, увеличение числа индивидов или групп в анархическое структуре способствует сокращению среднего дохода членов этой структуры и увеличивает вероятность того, что доходы их части окажутся меньше минимально допустимого значения.

Важно также заметить, что если анархическая система, под влиянием действия перечисленных параметров, выйдет из равновесия, например, превратившись, в сист му иерархическую, то если новое изменение указанных параметров будет совместимо с существованием анархии как спонтанного порядка, это не означает, что такой порядок в действительности будет реализован. Имеет место так называемый эффект храповика: если, предположим, в какой-то момент времени параметр m окажется больше 1, это приведет к разрушению анархии и появлению иерархии; если в дальнейшем параметр m (который, вообще говоря, является стохастической величиной) вновь сократится до приемлемого для анархии уровня, разрушения существующей иерархии скорее всего не произойдет.

Разрушение нестабильной анархической структуры в человеческом обществе, а свой анализ Хиршлейфер распространяет также и на поведение некоторых животных, скорее всего, по его мнению, приведет к одному из двух исходов: к вертикальной или горизонтальной социальной контрактации. Обе эти возможности подробно рассматриваются ниже.

оциальный контракт.

Социальный контракт — это договор между индивидами, во-первых, о правилах взаимодействия в обществе, а, во-вторых, о создании особого агента (государства), специализирующегося на обеспечении выполнения принятых правил

Современные концепции общественного договора восходят к философии Нового Времени, когда идеи социальной контрактации интересовали таких великих философов, как Гуго Гроций, Томас Гоббс, Джон Локк, Жан-Жак Руссо, Бенедикт Спиноза, Иммануил Кант. Тогда же сформировались и два основных подхода к теории социального контракта, которые условно можно обозначить как подход Гоббса и подход Локка. Для первого из этих подходов, в терминах Хиршлейфера, характерно представление о вертикальной социальной контрактации. Подходу Локка соответствует горизонтальный социальный контракт.

По Гоббсу, естественные человеческие законы (как то, справедливость, беспристрастность, скромность, милосердие и т.п.) не могут поддерживаться сами по себе, так как они противоречат «естественным страстям» каждого человека. Именно для защиты этих естественных законов и необходима сила государства: «Для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица»¹⁰¹. Власть «единого лица» – государства или суверена – над подданными практически полная. Единственное право, которым обладают подданные перед сувереном – право бороться за свою жизнь. Иными словами, человек, приговоренный государством к смертной казни, имеет право попытаться спасти свою жизнь любым возможным способом: в этом случае индивид разрывает социальный контракт и возвращается в «естественное состояние».

Интересно, что хотя, по Гоббсу, государство может быть основано двумя способами — власть может быть приобретена силой или передана правителю по доброй воле индивидов — обязанности подданных перед сувереном в обоих случаях одинаковы. Фактически Гоббс не делает различия между государством, «основанном на приобретении» и государством «основанном на установлении». Как мы увидим ниже, этот вывод довольно близок к истине, так как вести себя носители абсолютной власти будут одинаково, независимо от способа, которым эта власть была приобретена.

Подход Локка отличается от подхода Гоббса тем, что хотя и тот и другой говорят о передаче индивидами государству части своих «естественных прав», государь, по Локку, «обязан править согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизированных указов; править с помощью беспристрастных и справедливых судей, которые должны разрешать споры посредством этих законов, и применять силу сообщества в стране только при выполнении таких законов» 102. Иными словами, даже после образования государства сувереном остается народ. Более того, народ имеет право лишить правителя его власти и заменить его другим в том случае, если правитель не выполняет своих обязанностей, связанных с производством общественных благ.

.

 $^{^{101}}$ Гоббс Т. (1991), Левиафан// Гоббс Т., Сочинения в 2-х томах, т.2, М.: Мысль, с.132.

 $^{^{102}}$ Локк Дж. (1988), Два трактата о правлении// Локк Дж., Сочинения в 3-х томах, т.3, М.: Мысль, с.336.

Основоположники теории общественного договора полагали, что их концепция исторична, то есть сам факт договора неоднократно имел место в человеческой истории. Однако, на сегодняшний день отсутствуют исторические свидетельства того, что такого рода события действительно когда-либо имели место в человеческой истории. Общественный договор — это, скорее, не историческая, а логическая предпосыл**к** во зникновения государства.

Точка зрения эволюционистского подхода к общественному договору заключается в признании легитимности любой существующей формы государственного устройства постольку, поскольку она является результатом эволюционного процесса.

Легитимность того или иного общественного устройства для нонконструкционистов определяется тем, насколько в этом государстве соблюдаются «естественные права человека», имеющие высшее, божественное происхождение.

Для конструкционистов, чей подход на сегодняшний день наиболее популярен среди исследователей, внешние критерии оценки легитимности общественного устройства отсутствуют, то есть оценивать социальный контракт могут лишь индивиды, в этом контракте участвующие. При этом в конструкционистском подходе выделяют два направления. С точки зрения утилитаристов, люди, вовлеченные в процесс социальной контрактации, помещены в так называемую «оригинальную позицию». Иными словами, социальный контракт так или иначе предполагает некие принципы относительно неравномерного распределения богатства между различными группами индивидов. Участник этого процесса, не зная заранее, в какую группу он попадет, действует не в соответствии с собственными будущими интересами (о которых он пока не знает), а в соответствии с интересами общества в целом. В силу этого возрастает роль тех участников социального контракта, которые обладают информацией, необходимой для осознанного выбора оптимальной для данного общества формы этого контракта, то есть возрастает роль экспертов в контрактном процессе.

Нас, однако, в данном разделе больше всего интересует подход другой части конструкционистов – подход редукционистов, к которым, в частности, принадлежит лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Бьюкенен. С точки зрения редукционистов, общественный договор заключается между реально живущими в обществе индивидами, каждый из которых обладает собственными интересами и предпочтениями, а сам контракт предполагает максимально возможный учет всех этих предпочтений.

Предложенная Бьюкененом концептуальная схема общественного договора выглядит следующим образом. На первом этапе происходит «естественное распределение» благ, которое определяется усилиями, затрачиваемыми индивидами на захват и защиту ограниченных благ. Фактически, «естественное распределение» благ по Бьюкенену соответствует «естественному состоянию» общества Томаса Гоббса. Это «естественное состояние» «служит для идентификации, определения индивидов, на основе чего становится возможным заключение договорных соглашений» После этой идентификации заключается конституционный договор, предметом которого является «государство защищающее», то

¹⁰³ Бьюкенен Дж.М. (1997), Границы свободы. Между анархией и Левиафаном// *Нобелевские* лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен, М.: Таурус-Альфа, с.241.

есть, определяются права свободы и права собственности индивидов, и права государства, функцией которого является защита этих прав.

Третий этап — постконституционный договор, или договор о «государстве производящем». На этом этапе устанавливаются правила, по которым государство и должно действовать, занимаясь производством общественных благ.

Общественный договор, по Бьюкенену, не является, разумеется, раз и навсегда установленной, жесткой схемой: он может и должен быть пересмотрен на конституционной стадии в том случае, если государство пытается установить правила, противоречащие конституционным. Общественный договор может и должен быть пересмотрен также и на постконституционной стадии, если государство поддерживает неэффективный, с точки зрения общественного благосостояния, способ производства общественных благ.

Предложенные Бьюкененом и другими редукционистами модели общественного договора, очевидно, отражают процесс горизонтальной социальной контрактации, характерный, в основных своих чертах, для современных развитых демократий. Однако, прежде чем перейти к описанию процесса горизонтальной социальной контрактации, остановимся на предложенной Олсоном и МакГиром модели оседлого бандита, которая представляет собой один из наиболее интересных примеров описания вертикальной социальной контрактации.

одель оседлого бандита МакГира — Олсона. Итак, как было показано выше, анархическая система может оказаться нежизнеспособной по целому ряду причин, важнейшей из которых для человеческого общества представляется рост «параметра решительности» т, отражающий развитие технологии вообще и военной технологии в частности. При таком развитии событий на месте прежней анархической структуры через какое-то время возникает система, в которой некоторые индивиды или группы обладают сравнительными преимуществами в осуществлении насилия перед всеми остальными индивидами или группами, но не обладают такими преимуществами друг перед другом. Иными словами, в рассматриваемом случае речь идет об обществе, в котором господствуют так называемые бандиты-гастролеры.

У таких бандитов нет стимулов не только содействовать производству общественных благ, у них отсутствуют стимулы к какому-либо самоограничению своей бандитской деятельности. Действительно, каждый бандит-гастролер понимает, что любое богатство, не изъятое им у своей жертвы, скорее всего станет добычей другого бандита-гастролера, поэтому никакой заинтересованности в сохранении у жертвы стимулов и физических возможностей для осуществления производительной деятельности у бандита-гастролера нет.

Иными словами, гастролер действует в условиях структурной неопределенности, заставляющей его дисконтировать свои ожидаемые будущие доходы по очень высокой ставке. Это приводит к тому, что бандит-гастролер будет стремиться максимизировать свой краткосрочный доход.

Конкуренция между бандитами-гастролерами, однако, рано или поздно должна так или иначе привести к появлению такого субъекта или группы, который будет обладать сравнительными преимуществами в осуществлении насилия перед всеми остальными обитателями данной территории. Появляется так называемый

оседлый бандит, структура стимулов которого существенно отличается от структуры стимулов бандита-гастролера. Это выражается, в первую очередь, в сокращении ставки дисконтирования ожидаемых будущих доходов у оседлого бандита: будущее для него становится дороже, так как уменьшается неопределенность. Последнее объясняется тем, что оседлый бандит, благодаря своему сравнительному преимуществу в осуществлении насилия, способен контролировать определенную территорию, то есть пресекать появление на этой территории бандитов-гастролеров.

Для иллюстрации этого факта рассмотрим простую математическую модель. Предположим существует два индивида, каждому из которых доступны две альтернативные стратегии: краткосрочная и долгосрочная. Реализация первой из этих стратегий обеспечивает индивиду получение достаточно большого дохода в течение относительно короткого промежутка времени. Этот доход равен площади прямоугольника OABT на рис. 4.

Предположим также, что наши индивиды дисконтируют свои ожидаемые будущие доходы по различным процентным ставкам. Пусть ожидаемый доход первого индивида в периоде і составит:

$$Y_1^i = \frac{R_i}{(1+r)^i}$$

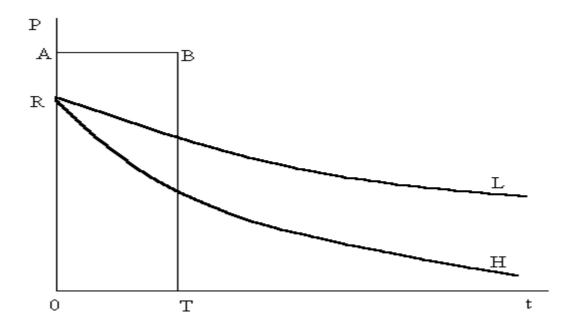
 Γ де R_i – чистый доход 1-го индивида в i-том периоде, а r – его ставка дисконтирования. Общая сумма потока ожидаемых будущих доходов 1-го индивида будет равна площади под кривой RL на рис. 5.4. Так как дисконтированный поток будущих платежей у первого индивида превышает доход, который он может получить, если выберет краткосрочную стратегию (площадь прямоугольника OABT), первый индивид предпочтет долгосрочную стратегию краткосрочной.

Второй индивид дисконтирует свои будущие доходы по более высокой ставке процента, и его ожидаемый будущий доход в і-том периоде будет равен, соответственно:

$$Y_2^i = \frac{R_i}{(1 + \varepsilon r)^i}$$

Где $\epsilon >> 1$. Общая сумма потока ожидаемых будущих доходов 2-го индивида будет равна площади под кривой RH на рис. 4. Так как эта площадь меньше площади прямоугольника ОАВТ, то для второго индивида краткосрочная максимизационная стратегия будет предпочтительнее долгосрочной

Рисунок 5.4. Ожидаемые будущие доходы и максимизационные стратегии индивидов

Первый индивид в нашей модели – это оседлый бандит, второй – бандит-гастролер.

Таким образом, для максимизации потока ожидаемых будущих доходов оседлый бандит (или автократ) должен решить две взаимосвязанные задачи (помимо задачи недопущения конкурентов на контролируемую территорию): во-первых, он должен обеспечить физическую возможность производства благ; во-вторых, он должен сохранить стимулы к производству этих благ. Моделирование решения этих взаимосвязанных задач приводится в известной работе Мансура Олсона и Мартина МакГира¹⁰⁴.

В модели Олсона – МакГира G – объем предоставляемых оседлым бандитом общественных благ (в данном случае единственной целью предоставления общественных благ является спецификация и защита частной собственности подданных автократа, а цена единицы общественного блага принимается равной 1); Y – потенциальный объем производства частных благ, то есть такой их объем, который был бы произведен, если бы налогообложение не приводило к появлению потерь от мертвого груза: Y = Y(G), Y'(G) > 0, Y''(G) < 0, Y(0) = 0; t – постоянный средний уровень налогообложения; r(t) – % от потенциального объема производства частных благ (Y), который производится при уровне налогообложения t, r(t) не зависит от G, r'(t) < 0, r(0) = 1; 1 – r(t) – доля потерь от мертвого груза в потенциальном объеме производства частных благ Y; tr(t) – % от потенциального Y, достающийся оседлому бандиту в виде налогов; r(t) $Y \equiv I$ – реальный объем произведенных частных благ, при условии, что налогообложение не подрывает стимулы к их производству.

Решая задачу максимизации собственного приведенного ожидаемого будущего дохода, автократ должен выбрать оптимальный уровень налогообложения t^* и оптимальный количество общественных благ G^* :

$$\max_{t,G} tr(t)Y(G) - G$$

При этом, необходимым условием является то, что объем расходов на производство общественных благ G (при условии, что цена единицы общественного блага равна 1) не должен превышать доходов, получаемых оседлым бандитом от налогообложения ($G \le tr(t)Y(G)$). Обратим также внимание на то обстоятельство, что доход автократа от налогообложения зависит от G, в то время как оптимальный уровень ставки налога (t) от этого параметра не зависит.

Решая задачу максимизации чистого дохода оседлого бандита по t, мы получим следующее уравнение:

$$r(t)Y(G) + tr'(t)Y(G) = 0$$

Так как Y(G) > 0, условие максимизации чистого дохода оседлого бандита по ставке налогообложения приводится к виду:

$$r + tr'(t) = 0$$

Отсюда, оптимальная ставка налога t:

$$t_A^* = -\frac{r(t_A^*)}{r'(t_A^*)}$$

 ${\rm И}$, соответственно, максимальная доля потенциального дохода ${\rm Y}$, достающаяся автократу:

$$t_A^* r(t_A^*) = -\frac{r(t_A^*)^2}{r'(t_A^*)}$$

Иначе говоря, максимизация этой доли достигается в том случае, когда предельное сокращение доходов автократа от увеличения потерь от мертвого груза (tr'(t)dt) равно предельному увеличению его доходов от роста ставки налога (rdt).

Параметр, обратный оптимальной ставке налогообложения – это показатель самоограничения или реципрокности оседлого бандита:

¹⁰⁴ McGuire, Martin C. and Olson, Mancur Jr. (1996), The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force, *34 Journal of Economic Literature*, 72-96.

$$\frac{1}{t_A^*} = -\frac{r'(t_A^*)}{r(t_A^*)}$$

Максимизация функции чистого дохода автократа по расходам на производство общественных благ при оптимальной ставке налогообложения достигается при условии:

$$[t_A^* r(t_A^*)] Y'(G) - 1 = 0$$

Ипи.

$$Y'(G) = \frac{1}{t_A^* r(t_A^*)}$$

Так как, по определению, $rY \equiv I$, предельное изменение реальных общественных доходов I по уровню расходов оседлого бандита на производство общественных благ G равно показателю его реципрокности:

$$I'(t_A^*, G) \equiv r(t_A^*)Y'(G) = \frac{1}{t_A^*}$$

Иными словами, автократ будет увеличивать производство общественных благ до тех пор, пока предельный прирост реальных доходов общества от увеличения количества предоставляемых общественных благ не станет равно показателю самоограничения оседлого бандита.

Вводя в модель новые зависимые переменные Q и P, Олсон и МакГир получают возможность представить все условия равновесия в модели оседлого бандита на одном графике:

$$Q(t_A^*) = -\frac{r'(t_A^*)}{r(t_A^*)^2} = Y'(G),$$

$$P(t_A^*) = -\frac{r'(t_A^*)}{r(t_A^*)} = I'(t_A^*, G)$$

Установление равновесной ставки налогообложения подданных оседлого бандита и равновесного объема предоставляемых им общественных благ позволяют определить как равновесный реальный доход общества, так и распределение этого дохода между автократом и его подданными (см. рис. 5.5).

Во втором квадранте рис. 5.5 отражен выбор автократом оптимальной ставки налогообложения (t_A*) , при которой максимизируется доля потенциального дохода Y, достающаяся ему (t_A*r) .

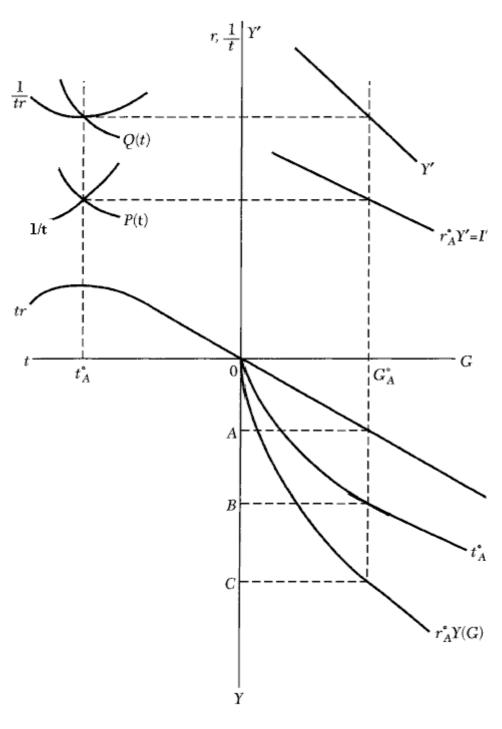
Пересечение кривых, отражающих уровень самоограничения оседлого бандита (1/tr и 1/t) с кривыми $Q(t_A^*)$ и $P(t_A^*)$ определяют оптимальный предельный прирост, соответственно, потенциального и реального доходов общества по количеству производимых автократом общественных благ. Определяемое таким образом оптимальное количество последних вместе с функциями $r_A^*Y(G)$ и $t_A^*(G)$ показывает в квадранте IV распределение реальных доходов общества между автократом (отрезок AB), его подданными (отрезок BC) и расходами на поддержание порядка (отрезок OA).

Важно заметить, что хотя каждой оптимальной ставке налогообложения соответствует определенное количество предоставляемых оседлым бандитом общественных благ, выбор из всех возможных ставок налогообложения оптимальной от G не зависит, поэтому автократ *сначала* определяет оптимальное t, а уже потом, на основании этого t определяет оптимальную для себя величину расходов на общественные блага.

Из модели Олсона – МакГира можно сделать вывод, что оседлый бандит всегда будет стремиться обеспечить некий оптимальный уровень спецификации и защиты прав собственности для своих подданных, однако, история знает достаточно обратных примеров. В частности, в качестве одного из таких примеров можно привести деятельность английской династии Стюартов. С того момента, когда в 1603-го году им досталась Корона, и до Славной Революции Стюарты обладали фактически неограниченной властью, однако, несмотря на стимулы к увеличению ожидаемых доходов казны, Корона преследовала краткосрочные цели, нарушая, при этом, данные обязательства. Среди основных источников

пополнения королевской казны были слабо согласующаяся с долгосрочными интересами Стюартов продажа королевских земель, вызывавшая возмущение наследственной аристократии торговля новыми дворянскими титулами, подрывавшая основы конкуренции продажа монопольных прав, введение новых налогов и практика заимствований, которые Стюарты далеко не всегда возвращали. Все это, в конечном итоге и привело к революции.

Рисунок 5.5. Равновесие в модели оседлого бандита 105

¹⁰⁵ Ibid., 79.

Возникает естественный вопрос: почему автократы далеко не всегда ведут себя так, как они должны себя вести в соответствии с логикой модели Олсона – МакГира? Существует как минимум три возможных варианта ответа на этот вопрос. Во-первых, монарх может быть настолько оторван от реальной действительности, что он может просто не обладать информацией, необходимой для выбора оптимальной стратегии. Во-вторых, автократ может действовать в такой институциональной среде, которая не способствует сколько-нибудь удовлетворительной спецификации и защите прав собственности, и автократ не в состоянии эти правила изменить. Наконец, третий аргумент, на котором, в частности, акцентирует свое внимание Мансур Олсон 106, заключается в том, что автократ может по каким-то причинам не интересоваться будущим. Именно в силу этой последней причины, по мнению Олсона, многие современные диктаторы в странах третьего мира склонны к грабительской внутренней политике.

«В таких обстоятельствах для общества может оказаться выгодным достижение согласия по вопросу о том, кто будет следующим руководителем государства, так как это снижает издержки, возникающие из-за отсутствия при автократическом режиме независимой силы, которая могла бы установить мирную преемственность государственной власти» 107.

Таким образом, Олсон выдвигает серьезный экономический аргумент в оправдание монархических династий.

Гонтрактная модель государства. Если в предыдущем разделе речь шла об абсолютно вертикальном социальном контракте, то здесь мы остановимся на его полной противоположности — контракте совершенно горизонтальном. Строго говоря, и то и другое — суть абстракции: совершенно вертикальный, равно как и совершенно горизонтальный социальные контракты невозможны. Однако, если модель оседлого бандита во многих случаях оказывается полезной для анализа автократической власти, то модель консенсусной демократии, которой посвящен этот раздел, полезна для анализа современного демократического общественного устройства. Рассматриваемая здесь модель консенсусной демократии, так же как и рассмотренная в предыдущем разделе модель оседлого бандита, была предложена Мансуром Олсоном и Мартином МакГиром¹⁰⁸.

Для общества консенсусной демократии характерны следующие условия: вопервых, все средства, которые общество собирает в виде налогов идут на производство общественных благ; во-вторых, достающееся каждому индивиду количество общественных благ прямо пропорционально его вкладу в производство этих благ, иными словами, отсутствует какое-либо перераспределение доходов.

Прежде всего необходимо заметить, что в отличие от автократа, для которого выбор оптимальной ставки налогообложения не зависит от объема предоставляемых им общественных благ G, при консенсусной демократии параметры G и t связаны между собой обоюдной связью. Поэтому вместо двух задач, которые последовательно решает оседлый бандит (выбор оптимальной ставки налогообложения t* и затем уже на этой основе выбор оптимального количества

¹⁰⁶ Olson, Mancur Jr. (1993) , Dictatorship, Democracy, and Development, **87** *American Political Science Review*, 567-576.

¹⁰⁷ Ibid., 572.

¹⁰⁸ McGuire, Martin C. and Olson, Mancur Jr. (1996), The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force, *34 Journal of Economic Literature*, 80-83.

общественных благ G^*), общество в условиях консенсусной демократии должно решить одну, но более сложную задачу, которая отражена в следующей системе уравнений:

$$W = \max_{t} (1 - t)r(t)Y(G)$$

$$U = \max_{G} ([r(t[G])Y(G)] - G)$$

Решение первого из этих уравнений приводит к нахождению оптимальной ставки налогообложения в демократическом обществе, решение второго позволяет определить оптимальное количество производимых общественных благ. При этом, так как все собранные налоги тратятся без остатка на производство общественных благ, необходимо выполнение следующего условия:

$$tr(t)Y(G) - G = 0$$

Решая второе из уравнений представленной системы, получим:

$$rY'(G) + Yr'(t) \frac{\partial t}{\partial G} - 1 = 0$$

Здесь rY'(G) – предельные выгоды общества от увеличения количества производимых общественных благ на единицу, $Yr'(t)\partial t/\partial G$ – предельные издержки связанные с этим увеличением, вызванные ростом потерь от мертвого груза, 1 – себестоимость производства единицы общественных благ.

Далее, решая первое из уравнений системы получаем:

$$\frac{\partial G}{\partial t}(1-t)r(t)Y'(G) = Y[r(t)+tr'(t)]$$

Отсюда:

$$\frac{\partial G}{\partial t} = \frac{Y(r+tr')}{1-trY'} = -\frac{Y(r+tr')}{trY'-1}$$

Подставляя полученное таким образом значение $\partial G/\partial t$ в решение второго уравнения нашей системы получим:

$$r(t)Y'(G) - Y(G)r'(t)\frac{tr(t)Y'(G) - 1}{Y(G)[r(t) + tr'(t)]} - 1 = 0$$

Отсюда:

$$Y'(G) = \frac{r(t) - (1-t)r'(t)}{r(t)^2} \equiv V(r(t), t)$$

Значения переменной t, являющееся решением данного уравнения и будет оптимальной ст**в**кой налогообложения в условиях консенсусной демократии t_N^* , соответственно, $r(t_N^*) = r_N^*$.

Так как $r(t_N^*)Y'(G) = I'(t_N^*, G)$, умножив обе части предыдущего уравнения на r_N^* , мы получим условие оптимального производства общественных благ в обществе без перераспределения:

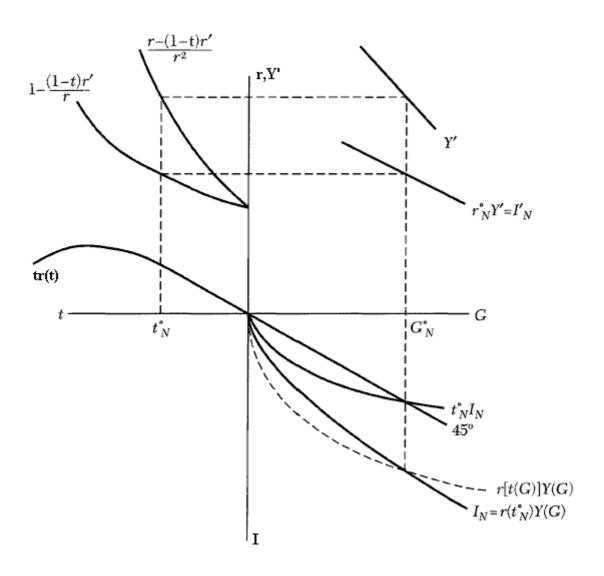
$$r_N^* Y'(G_N^*) = I'(t_N^*, G_N^*) = r(t_N^*) V(t_N^*) = 1 - (1 - t_N^*) \frac{r'(t_N^*)}{r(t_N^*)} = MSC_N^*$$

Здесь MSC_N^* — общественные издержки предоставления одной дополнительной единицы общественных благ при оптимальной ставке налога t_N^* . Выражение $\{-[(1-t^*)(r^*)^2/r^*]\}$ — это предельные потери мертвого груза при оптимальной ставке налогообложения, а 1 — издержки производства единицы общественных благ G. Так как $r'(t^*) < 0$, $MSC_n^* > 1$, то есть увеличение производства общественных благ на единицу обойдется обществу дороже себестоимости единицы общественных благ, так как для финансирования дополнительного производства общественных благ необходимо увеличить ставку налога t, а это приведет к увеличению издержек мертвого груза.

Графическая иллюстрация равновесных параметров общества консенсусной демократии приводится на рис. 5.6. Здесь во втором квадранте представлены оптимальная ставка налогообложения t_N^* и соответствующие ей оптимальные показатели предельных издержек предоставления общественных благ для реального (MSC) и оптимального (V) общественного дохода. В первом квадранте рис. 6 определяется оптимальное, для условий консенсусной демократии, коли-

чество общественных благ G_N^* . В четвертом квадранте рис. 6 отражен оптимальный, для общества без перераспределения доходов, объем налоговых поступлений $(t_N^*I_N = G_N^*)$.

Рисунок 5.6. Равновесие в модели консенсусной демократии¹⁰⁹

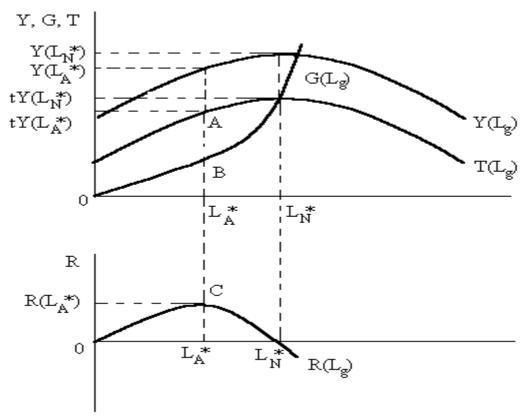
Обратим внимание на то обстоятельство, что из представленных в этом и предыдущем разделах моделей невозможно сделать однозначный вывод о том, в каком из рассмотренных обществ равновесный объем производства общественных благ будет, при прочих равных условиях, выше. Для того, чтобы попытаться ответить на этот вопрос, обратимся к простой модели, предложенной Финдли и Уилсоном 110 . В этой модели объем собираемых в обществе налогов (T) прямо пропорционален произведенному в экономике доходу Y. Последний является функцией от затрат труда на поддержание порядка ($Y = Y(L_g)$), причем, так как отдача от затрат труда на поддержание порядка сокращается по мере увеличения этих затрат, функция $Y(L_g)$ не монотонная и при определенном $L_g = L_g *$, достигает максимума. Расходы на поддержание порядка ($G = G(L_g)$, $\partial G/\partial L_g > 0$, $\partial^2 G/\partial L_g^2 < 0$). Условия максимизации чистого дохода в автократической системе и в обществе консенсусной демократии представлены на рис. 5.7. Целью автократа являет

¹⁰⁹ Ibid., 32.

¹¹⁰ Findlay, Ronald and Wilson, John D. (1984), The Political Economy of the Leviathan, *Institute for International Studies*, Stockholm, Seminar Paper No.285; см. также: Эггертссон Т. (2001), Экономическое поведение и институты, М: Дело, с.341-349.

ся максимизация ренты, определяемой как разность между налоговыми поступлениями и расходами на поддержание порядка $(R(L_g) = T(L_g) - G(L_g))$, поэтому, для получения максимальной ренты $R(L_A*)$, автократ будет обеспечивать порядок в обществе, на уровне, соответствующем затратам труда L_A* . Тогда общий объем налоговых поступлений автократа составит $t(L_A*)$, а произведенный в автократическом государстве совокупный доход будет равен $Y(L_A*)$.

Рисунок 5.7. Оптимальные расходы на поддержание порядка и общественный доход при автократическом режиме и в обществе консенсусной демократии

В то же время, для общества консенсусной демократии целью является максимизация не рентных доходов государства, а совокупного произведенного дохода Y, поэтому объем предоставляемых общественных благ здесь будет соответствовать затратам труда L_N^* , при которых $R(L_g)=0$, общий объем налоговых поступлений будет равен $t(L_N^*)$, а произведенный общественный доход будет максимальным $Y=Y(L_N^*)$. Как видно на этом графике, количество производимых общественных благ, при прочих равных условиях, будет выше в демократическом обществе.

Как уже было замечено, совершенно вертикальная и совершенно горизонтальная социальные контрактации в реальной жизни недостижимы: действующие в обществе социальные контракты располагаются между этими двумя крайностями. Невозможность обоих описанных вариантов объясняется, так или иначе, ограниченностью монопольной власти правителя (под правителем здесь понимается любой индивид или группа, наделенные, в соответствии с действующими в обществе формальными правилами, всей полнотой государственной власти, то есть оседлый бандит в первом из рассматриваемых случаев и все общество в целом во втором случае). Однако, прежде чем перейти к рассмотрению ограничений монопольной власти правителя и затем, к анализу более реалистичного социального контракта, нам нужно понять природу этих ограничений. Последняя тесно связана с такими категориями, как ограниченность познавательных спо-

собностей индивидов, трансакционные издержки, возможность оппортунистического поведения индивидов, проблема безбилетника, группы специальных интересов и рентоориентированное поведение.

5.3. Экономический анализ функционирования государства

руппы специальных интересов: узкие и широкие распределительные коалиции. Группы специальных интересов состоят из агентов, экономические интересы которых совпадают. В целом ряде случаев группы специальных интересов способны создавать для себя распределительные преимущества, в таких случаях говорят о так называемых распределительных коалициях. В конечном счете, любая организация, любое объединение людей для осуществления неких коллективных действий преследует схожие цели, а именно, достижение тех или иных экономических преимуществ для членов этого объединения. Однако, с точки зрения методов, которыми эти цели достигаются, важно различать широкие и узкие коалиции.

Разделение организаций, осуществляющих коллективные действия для предоставления своим членам коллективных или общественных благ, на узкие и широкие принадлежит Мансуру Олсону. Он же, в основном, занимался изучением экономического поведения узких и широких коалиций и их воздействием на благосостояние общества. Поэтому здесь мы будем опираться главным образом на аргументацию Олсона.

Перед каждой группой индивидов, объединенных в некую организацию, действующую внутри более широкой структуры, которую мы в дальнейшем будем называть обществом, стоит выбор между двумя альтернативными стратегиями поведения. По словам Олсона: «Организация в принципе может служить своим членам либо увеличивая пирог, который общество производит, так что ее члены получили бы большие куски пирога даже и при прежней их доле, либо получая большие доли общественного пирога для своих членов» Естественно, что в первом случае усилия организации будут направлены на максимизацию благосостояния всего общества, тогда как во втором случае общественное благосостояние организацию, по большому счету, не интересует.

От чего зависит выбор организацией одной из этих двух стратегий поведения? Ответ на этот вопрос логично вытекает из теории коллективных действий Мансура Олсона.

Предположим, организация объединяет лишь незначительную часть общества, например, только 1% индивидов, входящих в общество принадлежит к данной организации, соответственно, если усилия членов организации будут направлены на увеличение благосостояния общества в целом, самим членам организации достанется лишь 1% совокупного общественного выигрыша. В подавляющем большинстве случаев этого вознаграждения абсолютно недостаточно для того,

¹¹¹ Олсон М. (1998), *Возвышение и упадок народов*. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз, Новосибирск: ЭКОР, с.75-76.

чтобы стимулировать организацию, объединяющую сотую часть всех членов общества, действовать в интересах всего общества в целом.

Для узких коалиций, объединяющих лишь незначительную часть членов общества гораздо привлекательней будет вторая из описанных выше стратегий, предполагающая инвестиции в перераспределение общественного пирога в пользу участников этой узкой коалиции

При этом величина самого этого пирога, скорее всего, уменьшится (хотя бы потому, что часть общественных ресурсов будет направлена не на его увеличение), однако, членов узкой коалиции этот факт не должен беспокоить: ведь им самим достанется в итоге больше. По словам М. Олсона, с точки зрения участников узких перераспределительных коалиций, «перераспределение стоит продолжать до тех пор, пока уменьшение ценности общественного продукта не станет в сотни и более раз превышать выигрыш членов организации в этой перераспределительной борьбе» 112.

С другой стороны, организация, включающая значительную часть членов общества будет заинтересована в максимизации общественного благосостояния в большей степени, чем узкая распределительная коалиция. Например, организации, объединяющей одну треть членов общества достанется треть общественного выигрыша от инвестиций, направленных на увеличение общественного благосостояния. С другой стороны, потери членов широкой коалиций от сокращения общественного пирога, вызванного перераспределительными усилиями данной коалиции будут, скорее всего, весьма ощутимыми.

Таким образом, «широкие организации заинтересованы в том, чтобы сделать общество, в которым они функционируют, процветающим, а издержки перераспределения дохода в пользу своих членов – как можно более низкими» ¹¹³.

Эта аргументация вполне применима, например, к анализу политического процесса и той роли, которые в этом процессе играют политические партии. В нашей стране, в частности, до сих пор весьма популярна точка зрения, согласно которой, политические партии играют скорее деструктивную роль в политическом процессе, поэтому целесообразно проводить выборы в парламент не по партийным спискам, а исключительно по мажоритарным округам: в этом случае все депутаты будут нести ответственность перед своими избирателями. С точки зрения теории коллективных действий, такой взгляд на формирование законодательной власти представляется совершенно неверным. Депутатов, выбранных по мажоритарным округам интересует, в первую очередь, благосостояние своих избирателей, то есть жителей этих самых мажоритарных округов. Таких депутатов вряд ли будут беспокоить вопросы, касающиеся благосостояния общества в целом. Более того, такие депутаты сравнительно легко готовы принести общественное благосостояние в жертву интересам узкой группы, каковой, в данном случае, являются их избиратели.

С другой стороны, успех правящей политической партии достаточно тесно связан именно с благосостоянием общества в целом, с величиной общественного пирога, поэтому политические партии, находясь у власти, будут заботиться, в первую очередь, именно о росте благосостояния всего общества.

¹¹² Там же, с.78.

¹¹³ Там же, с.91.

Последний момент, на который хотелось бы здесь обратить внимание — это издержки организации коллективных действий в узких и широких группах. Следуя все той же логике организации коллективных действий, предложенной Мансуром Олсоном, чем больше размер группы, тем меньшую роль в коллективных действиях играет средний, репрезентативный ее участник, тем больше у него стимулов к отлыниванию от участия в коллективных действиях. Кроме того, чем больше размер группы, тем дороже для нее обойдется эффективный мониторинг, который мог бы предотвратить это отлынивание и, следовательно, тем острее для нее стоит проблема безбилетника. Кроме того, с проблемой безбилетника также связаны и издержки организации широкой коалиции. Поэтому, «у членов «малых» групп непропорционально большая организационная власть для проведения коллективных действий; эта диспропорциональность с течением времени в стабильных обществах уменьшается, но не исчезает» 114.

С другой стороны, как отмечалось выше, чем больше размер группы, тем больше, при прочих равных условиях, вероятность организации совместных действий для производства коллективных благ. Именно поэтому диспропорциональность, о которой говорит Олсон, все-таки сокращается.

руппы специальных интересов и рентоориентированное поведение. Теория поиска рента как одного из самых распространенных и деструктивных видов экономической активности стала активно разрабатываться экономической наукой на рубеже 1960-х – 1970-х годов XX века 115. Сам термин «поиск ренты» впервые появился в работе Энн Крюгер. По ее словам: «Во многих рыночно-ориентированных экономиках правительственные ограничения экономической деятельности – это реальный, осязаемый факт. Эти ограничения способствуют появлению различных форм ренты, и люди часто вступают в конкуренцию за нее. В некоторых случаях такая конкуренция совершенно легальна. В других случаях поиск ренты приобретает несколько иные формы, такие, как взяточничество, коррупция, контрабанда и черные рынки» 116. Надо сказать, что хотя поиск ренты заинтересовал экономическую науку относительно недавно, само это явление отнюдь не является феноменом, специфическим для современной экономической жизни: тип экономической активности, называемый сегодня рентоориентированным поведением, существовал практически в каждом периоде экономической истории человечества.

Хотя в современной экономике рентоориентированное поведение может проявляться в самых разнообразных формах (в частности, это может быть борьба за предоставление монопольных прав на производство каких-либо товаров или услуг; попытка добиться льготного налогообложения для фирм или индивидов, объединенных по какому-либо признаку; инвестиции в строительство административных барьеров; борьба за увеличение импортных пошлин и т.д.), основ-

¹¹⁴ Там же, с.74.

¹¹⁵ Cm.: Tullock, Gordon (1967), The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies and Theft, **5** *Western Economic Journal*, 224-232; Krueger, Anne O. (1974), The Political Economy of the Rent-Seeking Society, **64** *American Economic Review*, 291-303; Posner, Richard A. (1975), The Social Costs of Monopoly and Regulation, **83** *Journal of Political Economy*, 807-828.

¹¹⁶ Krueger, Anne O. (1974), The Political Economy of the Rent-Seeking Society, **64** American Economic Review, 291.

ная цель поиска ренты во всех случаях заключается в ограничении конкуренции и получении каких-либо монопольных прав. При этом, для общества экономический ущерб от рентоориентированного поведения проявляется в двух формах (см. рис. 5.8).

На рис. 5.8 представлена простая двухтоварная экономика, в которой товар 2 – это композитный товар. Если некий производитель товара 1 будет инвестировать часть своих средств не в производство, а в создание такой системы формальных правил, которая позволит ему получить привилегированное положение на рынке первого товара и ограничить экономические возможности своих конкурентов, граница производственных возможностей, изначально представленная кривой AB на рис. 5.8, сместится влево, в положение A'B'. И, соответственно, уровень благосостояние общества переместится из точки A, расположенной на кривой безразличия U_1 , в точку B, расположенную на более низкой кривой безразличия U_2 .

Товар 2 A U₃ U₂ U₁ U₂ Tовар 1

Рисунок 5.8. Поиск ренты и благосостояние общества

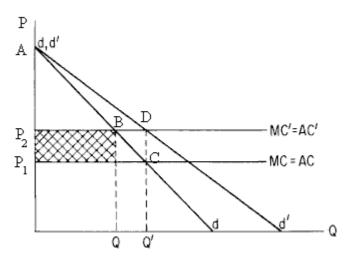
Важно заметить, что это сокращение общественного благосостояния произойдет вне зависимости от того, удастся ли соискателю ренты добиться своих целей или нет: важно, что он инвестирует часть общественных ресурсов не в какую-либо производительную деятельность, а в поиск ренты.

Если же производителю товара 1 удастся добиться своих целей и увеличить свою монопольную власть, цена товара 1 вырастет, относительно цены композитного товара 2 и благосостояние общества переместится из точки B в точку C, которая хотя и расположена на той же границе производственных возможностей A'B', однако, принадлежит более низкой кривой безразличия U_3 .

Вообще говоря, успешный поиск ренты в современном обществе — это фактически прерогатива влиятельных распределительных коалиций, а не отдельных индивидов. Поэтому отдача от усилий, направленных на поиск ренты, а также экономический ущерб общества в случае, когда такие усилия приносят результат, зависят как от характера предполагаемых изменений в формальных правилах, так и от природы распределительной коалиции, инвестирующей ресурсы в поиск ренты, от размеров этой коалиции, от распределения переговорной силы внутри коалиции и от действующих в коалиции формальных и, самое главное, неформальных правил.

Рассмотрим простой пример. Предположим, на рынке какого-либо товара или услуги действует картель, объединяющий значительную часть производителей этого товара или услуги. Предположим далее, что этот картель добился установления органами государственной власти неких минимально допустимых цен на продукцию этой отрасли, то есть, фактически, запрещения ценовой конкуренции между предприятиями, действующими на этом рынке. Как показано на рис. 5.9, в том случае, если до образования картеля фирмы в этой отрасли действовали в условиях совершенной конкуренции (это, как известно, означает равенство цены предельным издержкам: $P_1 = MC$), после введения государством ограничения на нижний уровень цен и увеличения рыночной цены с P_1 до P_2 , первоначально количество продаваемого на рынке товара или услуги сократится с Q до Q, а потребительский излишек уменьшится на величину, равную площади трапеции P_1P_2BC .

Рисунок 5.9. Рентоориентированное поведение, установление минимальной цены и неценовая конкуренция

Однако, так как взаимоотношения внутри картеля представляют собой пример неоклассической или даже отношенческой контрактации, то есть, имеет место неполный контракт, действующее формальное правило не может структурировать взаимоотношения агентов в будущем. Поэтому, участники картельного соглашения, не нарушая формального предписания, запрещающего ценовую конкуренцию, скорее всего вступят в конкуренцию неценовую. Иными словами, в данном случае речь идет о расширении формальных правил неформальными.

Неценовая конкуренция приведет к росту предельных издержек с уровня МС до уровня М'C' = P_2 , а кривая спроса переместится вправо, в положение dd'. Потребительский излишек при этом станет равен площади фигуры ADP_2 , которая хоть и меньше величины первоначального потребительского излишка ACP_1 , но превышает ABP_2 – величину потребительского излишка при отсутствии как ценовой, так и неценовой конкуренции.

Возвращаясь к теме широких и узких распределительных коалиций, мы можем заключить, что рентоориентированное поведение тем привлекательнее для группы, чем более эффективно эта группа способна поддерживать неполную – неоклассическую или отношенческую – внутреннюю контрактацию. Очевидно, что рассмотренный пример – еще один аргумент, в пользу того, что привлекательность рентоориентированных стратегий (то есть максимизации богатства членов группы за счет богатства всего общества в целом) при прочих равных условиях, увеличивается обратно пропорционально размеру группы. Иными словами, для узких распределительных коалиций поиск ренты является гораздо более привлекательной целью, чем для больших латентных групп.

Как подсказывает простой здравый смысл (и это подтверждается экономическими исследованиями), распространение рентоориентированного поведения самым неблагоприятным образом отражается на основных макроэкономических показателях: серьезно замедляет экономический рост, способствует развитию

стагнации и может привести к возникновению ситуации "плохого" равновесия, то есть к фактической консервации экономической системы на низком уровне развития. Существуют как минимум две основные причины того, почему поиск ренты так дорого обходится обществу¹¹⁷.

Во-первых, технологии поиска ренты часто характеризуются возрастающей отдачей. Связано это, в частности, с тем, что для извлечения ренты часто необходимы только фиксированные первоначальные издержки, а последующее непосредственное присвоение ренты не сопряжено со значительными затратами. Именно такое положение складывается, когда для извлечения ренты необходимо только изменение действующего законодательства.

Другая причина возрастающей отдачи от рентоориентированного поведения связана с самовоспроизводством такого поведения: когда конкуренты какойнибудь организации добиваются успеха, благодаря инвестициям в поиск ренты, этой организации, чтобы не уступить в конкурентной борьбе и не покинуть рынок приходится делать такие же инвестиции. В результате общественный ущерб от рентоориентированного поведения возрастает экспоненциально.

Наконец, чем больше людей и организаций вовлечены в поиск ренты, тем меньше для каждого из них вероятность того, что они так или иначе понесут наказание за эту деятельность. Отсюда появляется дополнительный стимул для инвестиций в поиск ренты у тех, кто раньше этим не занимался, опасаясь наказания.

Из наличия возрастающей отдачи от инвестиций в поиск ренты следуют два возможных состояния устойчивого равновесие в экономической системе. Вопервых, такое равновесие возможно при отсутствии или незначительном уровне инвестиций в поиск ренты («хорошее» равновесие), во-вторых, устойчивое равновесие может быть достигнуто при большом объеме таких инвестиций («плохое» равновесие). Именно в ситуации «плохого» равновесия происходит остановка экономического развития и консервация экономической системы на относительно низком уровне этого развития.

Вторая причина, по которой рентоориентированное поведение так неблагоприятно отражается на экономическом развитии — это воздействие, которое поиск ренты оказывает на стимулы экономических агентов к осуществлению инноваций. Во-первых, в обществе, где наиболее прибыльным видом экономической деятельности является поиск ренты, для осуществления инновации предприниматели вынуждены нести дополнительные расходы, связанные с необходимостью получения всякого рода санкций и разрешений у коррумпированной государственной власти (а без широкомасштабного распространения коррупции, как одного из видов рентоориентированного поведения, «плохого» равновесия не бывает).

Во-вторых, в рентоориентированном обществе предпринимателю дороже обойдется кредит, необходимый для осуществления нововведения.

В-третьих, инновационные проекты как правило предполагают долгосрочные инвестиции, а при слабой спецификации и защите прав собственности, которая

¹¹⁷ Cm.: Murphy, Kevin M., Shleifer Andrei, and Vishny, Robert V. (1993), Why Is Rent-Seeking So Costly to Growth?, **83** *American Economic Review*, 409-414.

является необходимым элементом рентоориентированной системы, такие инвестиции теряют свою привлекательность.

Таким образом, успех стратегий, направленных на создание формальных правил, имеющих целью перераспределение богатства в пользу тех, кто финансирует эти новые правила, отражается на общественном благосостоянии самым неблагоприятным образом.

Граничения монопольной власти правителя. Выше было замечено, что абсолютно вертикальный и абсолютно горизонтальный социальные контракты представляют собой научную абстракцию и неосуществимы в реальной жизни (так же как, кстати, неосуществимы совершенно вертикальные или горизонтальные трансакции). Главной причиной неосуществимости таких идеальных форм общественной контрактаци является огран иченность монопольной власти тех, кому она формально принадлежит.

Для демократического общества такая ограниченность связана, в первую очередь, с описанной выше проблемой безбилетника, которая в данном случае выражается, в частности, в рациональной неосведомленности индивидов в вопросах политики. Эта рациональная неосведомленность способствует возникновению информационной асимметрии между обществом, являющемся в данном случае принципалом, и органами государственной власти, конкретными чиновниками, которые таким образом получают возможность преследовать собственные интересы, далеко не всегда совпадающие с интересами принципала.

Как для авторитарной, так и для демократической власти ограниченность может быть связана с деятельностью распределительных коалиций, ориентированных на поиск ренты. Успех такого рода коалиций бывает связан с наличием у них значительной переговорной силы, обусловленной количеством ресурсов, которыми располагает коалиция.

Еще одно ограничение монопольной власти связано с функционированием государственного аппарата и возможностью появления коррупции, которая понимается здесь как извлечение государственными чиновниками частных доходов из государственной собственности. Чиновники различных уровней исполнительной власти очень часто имеют возможность так или иначе влиять на аллокацию ресурсов. Во многих случаях чиновники могут использовать эту возможность не для увеличения благосостояния своего нанимателя, то есть, государства (в данном случае неважно кто скрывается за этим словом: избранный ли народом парламент, диктатор, или просто вышестоящий начальник нашего чиновника), а для максимизации собственного богатства, в ущерб интересам принципала.

Частичным решением проблемы (так как окончательное решение проблемы агентских отношений невозможно даже для небольшой фирмы, не говоря уже о такой большой организации, как государственный аппарат) могут стать:

- 1. Дополнительные инвестиции в мониторинг, увеличивающие вероятность наказания чиновника и сокращающие у него, таким образом, стимулы к оппортунистическому поведению.
- 2. Ужесточение наказания для чиновника за преследование собственных интересов, противоречащих интересам принципала.

- 3. Различные варианты более сложной системы настройки стимулов, основанные на принципах эффективной заработной платы, самоотбора и т.д.
- 4. Развитие институтов голосования, то есть передача части прав принятия решений подданным в обмен на увеличение доходов правителя.
- 5. В ряде случаев правитель может сам быть заинтересован в перераспределении власти в пользу отдельных групп своих агентов. Ответ на вопрос, почему это происходит, дает теория институциональной коррупции.

Институционализация коррупции, то есть сращивание административной коррупции с политической, становится возможной потому, что центральная власть не в состоянии самостоятельно полноценно контролировать все сферы экономической жизни. Опираясь на рассмотренную выше модель оседлого бандита Олсона – МакГира, они анализируют факторы, влияющие на оптимальный размер «команды», группировки оседлого бандита. С одной стороны, рост численности группировки увеличивает ее преимущества в осуществлении насилия, с другой стороны, увеличение числа членов «команды» оседлого бандита увеличивает для него издержки мониторинга, которые необходимы для того, чтобы успешно противостоять попыткам «дворцовых переворотов». Кроме того, увеличение численности группировки сокращает вероятность того, что как неудачные, так и удачные попытки «дворцовых переворотов» тем или иным образом отразятся на положении рядовых членов группы, поэтому у них не только сокращаются возможности для самостоятельного мониторинга, но и ослабевают стимулы к его проведению. Таким образом, с увеличением размеров группировки вероятность успешной попытки «дворцового переворота» увеличивается.

Однако, оптимальное количество подданных, которое может эффективно контролировать оседлый бандит, определяется его потенциалом насилия. Последний зависит, в том числе, от числа членов «команды» оседлого бандита. В том случае, когда число подданных превышает это оптимальное количество у оседлого бандита появляются стимулы к тому, чтобы передать контроль над частью подданных другой организации, также обладающей сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, но потенциал насилия которой меньше чем у самого оседлого бандита. Фактически, подобная ситуация напоминает практику откупа налогов, характерную для античного мира и средневековой Европы.

В случае институционализации коррупции, однако, на откуп отдаются не территории, а скорее, отдельные сферы предпринимательской деятельности, отдельные виды экономической активности индивидов. Так как, зачастую эти сферы пересекаются друг с другом, а вся система перераспределения доходов в пользу чиновников поддерживается с помощью, главным образом, неформальных контрактов, практически повсеместно возникают ситуации, когда предприниматель вынужден так или иначе делиться своими доходами не с одной, а с несколькими чиновничьими группировками. Естественно, такая практика не может не оказывать дестимулирующего воздействия на экономическую активность индивидов.

Выделяются два типа институциональной коррупции: институциональная коррупция, предполагающая нарушение формальных правил и не предполагающая такого нарушения.

В первом случае речь идет об установлении таких правил, регулирующих те или иные сферы предпринимательской деятельности, выполнение которых связано для предпринимателей с запретительно высокими издержками. Такие правила фактически вынуждают предпринимателей давать взятки чиновникам.

Другой тип институциональной коррупции, сопровождающейся нарушением формальных предписаний характеризуется тем, что формальные правила, регулирующие тот или иной вид экономической активности отличаются недостаточной конкретностью и, таким образом, оставляют регулирующим органам широкие возможности для их расширительной трактовки. Выполнение таких правил в трактовке чиновников опять же связано для предпринимателей с запретительно высокими издержками, их опять-таки, фактически вынуждают давать взятки.

Важно отметить, что институциональная коррупция, предполагающая нарушение формальных правил — это эффективный механизм обеспечения лояльности чиновников к политической власти. С одной стороны, коррупционные доходы могут быть достаточно высоки, зачастую они не сопоставимы с официальной заработной платой чиновников (это пряник). С другой стороны, нарушение чиновниками формальных предписаний упрощает их наказание в случае недостаточной лояльности (это кнут).

Институциональная коррупция не сопровождающаяся нарушением формальных правил предполагает вполне законное перераспределение средств в пользу тех или иных чиновничьих структур¹¹⁸.

С проблемой отношений типа «поручитель – исполнитель» тесно связано и еще одно ограничение монопольной власти государства – издержки измерения налоговой базы и определения оптимальной величины налогообложения. Проблема в том, что информация, необходимая для определения оптимального для правителя уровня налогообложения и оптимальных расходов на поддержание порядка в большинстве случаев поступает к нему не из независимых источников, а от его агентов, которые, во-первых, обладают недоступной правителю информацией, а во-вторых, заинтересованы в расширении своего влияния и в увеличении собственных доходов. Эти цели достигаются через увеличение размеров агентских структур, что приводит к размыванию ренты правителя. Экономические последствия такого поведения исполнителей рассматриваются в модели Финдли – Уилсона, которая, в модифицированном виде представлена на рис. 5.10.

Здесь собранные правителем налоги и расходы на производство общественных благ, связанных со спецификацией и защитой прав собственности рассматриваются как функции затрат труда на поддержание порядка ($T = T(L_g)$, $G = G(L_g)$). При отсутствии информационной асимметрии и оппортунистического поведения агентов, присваиваемая единоличным правителем (автократом) рента будет равна максимальной разности между $G(L_g)$ и $T(L_g)$, что соответствует длине отрезка AB на рис. 10. При этом затраты труда на поддержание порядка (количество чиновников) равны L_A *. В случае же необоснованного, с точки зрения интересов правителя, раздувания государственного аппарата кривая расходов на производство общественных благ смещается вправо, в положение $G'(L_g)$, затраты труда на поддержание порядка возрастают до L_A ', а присваиваемая автократом рента сокращается до нуля. Ситуация еще более усугубляется в случае, если у агентов правителя появляется возможность производства общественных квазиблаг (разного рода справок, разрешений и т.д., за которые подданные автократа вынуждены платить и которые обеспечивают перераспределение доходов от независимых экономических агентов непосредственно к чиновникам государственного аппарата, минуя оседлого бандита), что характерно в случае распространения институциональной коррупции. Такая ситуация, естест-

конституционными правилами.

¹¹⁸ Вообще говоря, коррупция в узком смысле (а именно такое понимание коррупции имеет место здесь), предполагает в качестве обязательного условия нарушение формальных правил. Однако, можно говорить об институциональной коррупции без нарушения формальных правил в том смысле, что установленные коррумпированными органами власти формальные правила могут вступать в противоречие с формальными правилами более высокого порядка, например, с

венно, сокращает производимый в обществе доход и, соответственно, общую сумму налогов, собираемую правителем (кривая $T(L_g)$ смещается вниз, в положение $T'(L_g)$).

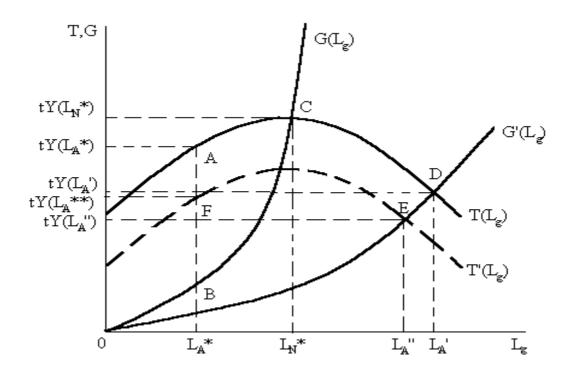

Рисунок 5.10. Размывание ренты правителя

Источником ограничения монопольной власти государства являются также его прямые конкуренты, как внутри страны, так и за рубежом. В первом случае основным конкурентом государственной власти, структурой, претендующей на выполнение по крайней мере части функций этой власти и, соответственно, на присвоение части ее доходов является организованная преступность. Основные функции организованной преступности — это спецификация и защита прав собственности и обеспечение выполнения контрактов в нелегальной сфере, а также содействие монополизации рынков и создание барьеров входа для аутсайдеров.

Появление и устойчивое существование организованной преступности обусловлено тремя главными факторами. Во-первых, недостаточные государственные инвестиции в военные технологии создают условия для относительно более равномерного распределения насилия в обществе и, таким образом, открывают возможности для появления альтернативных государству структур, обладающих сравнительными преимуществами в осуществлении насилия. Во-вторых, источником организованной преступности является государственный запрет на занятие теми или иными видами коммерческой деятельности. Фактически, мафия берет на себя функции спецификации и защиты прав собственности в тех сферах предпринимательской деятельности, которые не разрешены государством, и в которых, поэтому, государство не может выполнять эти функции. В-третьих, государственное регулирование отдельных видов предпринимательской деятельности увеличивает трансакционные издержки, связанные с легальным занятием такого рода деятельностью, и предприниматели могут счесть для себя выгодным покинуть легальный рынок и перейти в нелегальную сферу. В этом случае для сокращения трансакционных издержек им также необходима внешняя

структура, предоставляющая гарантии исполнения их нелегальных контрактов. Такой структурой как раз и оказывается организованная преступность.

Конкурентами правителя за рубежом являются, соответственно, правительства других государств. Они могут оказывать влияние на монопольную власть правителя не только непосредственно — путем военного, политического или экономического давления — но и опосредованно, через эмиграцию, «голосование ногами» подданных авторитарного правителя, либо посредством оттока капитала в те страны, где права собственности лучше специфицированы и защищены.

ерераспределительные функции государства и синтетическая модель государства. В условиях ограниченности монопольной власти правителя, независимо от того является ли этим правителем максимизирующий свое богатство автократ, или весь народ страны, модели совершенно горизонтального и совершенно вертикального социальных контрактов оказываются нереалистичными. В таких условиях гораздо ближе к реальному положению вещей оказывается синтетическая теория государства, в рамках которой социальный контракт объединяет черты как горизонтального так и вертикального контрактов. Одним из первых экономистов, рассматривающих государство как совокупность противоречивых целей и не совпадающих интересов был Норт 119. Особенностями его подхода стали: во-первых, понимание государства как агентства, оказывающего услуги обороны и правосудия; во-вторых, государство в модели Норта рассматривается как дискриминирующий монополист, который разбивает подданных на группы, для каждой из которых права собственности специфицируются и защищаются по-своему, целью такой дискриминации является максимизация выгод правителя (не обязательно единоличного); в-третьих, Норт подчеркивает ограниченность монопольной власти правителя.

Близка к подходу Норта формализованная модель распределительной демократии, предложенная Олсоном и МакГиром и являющаяся закономерным продолжением их моделей автократического правления и консенсусной демократии¹²⁰.

Под распределительной демократией Олсон и МакГир понимают такое государственное устройство, при котором власть посредством демократических процедур достается определенной группе людей (причем необязательно эта группа должна включать большинство членов общества). У этой властной группы имеется два основных источника доходов: первый – собственная коммерческая деятельность участников группы; второй – перераспределение, с помощью налогообложения, доходов общества от аутсайдеров (индивидов, не входящих во властную группу) к носителям власти.

Иными словами, властная группа, с одной стороны, заинтересована в увеличении реальных доходов общества (I(t)), и, следовательно, в сокращении ставки налога t, а с другой стороны, носители власти получают часть своих доходов в результате перераспределения, поэтому они заинтересованы в увеличении ставки налога t.

Чтобы понять, каким образом властной группе удастся максимизировать свой доход при таких противоречивых целях, Олсон и МакГир вводят в свою модель еще две переменных. Пусть f – часть совокупного дохода общества, производимая и присваиваемая властной группой (0 < f < 1), то есть если f = 0, это означает, что общество управляется максимизирующим свое богатство оседлым бандитом, при f = 1 общество существует в условиях консенсусной демократии.

¹¹⁹ North, Douglass C. (1981), *Structure and change in economic history*, N. Y.: WW Norton.

¹²⁰ McGuire, Martin C. and Olson, Mancur Jr. (1996), The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force, **34** *Journal of Economic Literature*, 72-96.

Другая вводимая переменная – s – это та часть совокупного дохода общества, которая в итоге достается властной группе, как благодаря собственным усилиям членов группы, так и посредством перераспределения в пользу ее членов части дохода аутсайдеров:

$$s = f + (1 - f)t$$

Математически, задача, стоящая перед членами властной группы выглядит следующим образом:

$$\max_{t,G} (1-t)r(t)fY(G) + [tr(t)Y(G) - G]$$

Здесь первое слагаемое – это доходы, которые участники властной группы получают от собственной производительной деятельности; второе слагаемое – доходы власти от перераспределения богатства. При этом, для того, чтобы второе слагаемое в данном уравнении было положительным (то есть, для того, чтобы властная группа могла получить некий доход от перераспределения богатства в свою пользу), необходимо выполнение следующего условия:

Заметим, что так же как и в случае автократической власти оптимальная для руководящей группы ставка налогообложения не зависит от расходов на производство общественных благ G. Поэтому задача оптимизации решается властью так же, как и оседлым бандитом: сначала определяется оптимальная ставка налога t^* , а затем уже из этого параметра выводятся оптимальные расходы на производство общественных благ G^* .

Дифференцируя целевую функцию властной группы по t получаем следующее условие уравнение:

$$f[-r+(1-t)r'(t)]+[r+tr'(t)]=0$$

Здесь первое слагаемое — это предельные издержки властной группы от налогообложения (так как увеличение ставки налога t сокращает реальный доход общества I), второе слагаемое — предельные выгоды власти от перераспределения доходов. Определим из этого уравнения зависимость части совокупного дохода общества, производимой и присваиваемой индивидами, входящими во властную группу f от ставки налогообложения t и от доли реального общественного дохода в потенциальном г:

$$f = \frac{r + tr'(t)}{r - (1 - t)r'(t)} \equiv R(t)$$

С увеличением ставки налогообложения t R(t) сокращается, так как увеличиваются общественные потери от мертвого груза, то есть власть будет увеличивать t до тех пор, пока f не сравняется c R(t). Дальнейшее увеличение налогового бремени невыгодно властной группе, так как ее потери от сокращения реального дохода общества будут больше выгод от перераспределения этого общественного дохода. Отсюда получаем оптимальную ставку налогообложения в условиях распределительной демократии:

$$t_R^* = -\frac{r(t)}{r'(t)} - \frac{f}{1-f}, f \neq 1$$

Следовательно, чем больше доля властной группы в реальных доходах общества (f), тем меньше оптимальная ставка налога. Заметим также, что так как f/(1-f)>0, налоговое бремя в обществе распределительной демократии будет меньше, чем при автократической системе правления (где оптимальная ставка налога определяется как: $t_A* = -r(t_A*)/r^*(t_A*)$).

Далее, дифференцируя целевую функцию власти по G, получаем условие производства оптимального количества общественных благ в системе распределительной демократии:

$$[(1-t)r(t)f + tr(t)]Y'(G) - 1 = sr(t)Y'(G) - 1 = 0$$

Здесь параметр sr(t)Y'(G) – предельный доход властной группы от производства общественных благ, а 1 – предельные издержки, то есть себестоимость единицы общественных благ.

Далее, из двух условий максимизации дохода властной группы получим уравнения потенциального и реального предельных общественных доходов:

$$\left[(1-t)r(t)\frac{r(t)+tr'(t)}{r(t)-(1-t)r'(t)} + tr(t) \right] Y'(G) = 1 \Rightarrow Y'(G) = \frac{r(t)-(1-t)r'(t)}{r^2(t)} \equiv V(t)$$

$$Y'(G) = \frac{1}{r(t)f+(1-f)tr(t)}$$

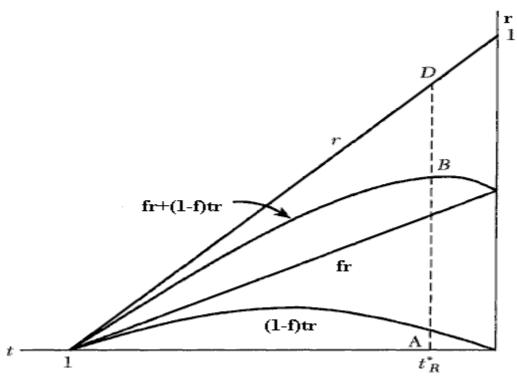
$$r(t)Y'(G) \equiv I'(G) = \frac{1}{f+(1-f)t} \equiv \frac{1}{s} \equiv MSC_R^*$$

Здесь MSC_r^* – общественные издержки предоставления дополнительной единицы общественных благ при оптимальной ставке налогообложения t_R^* .

Выбор властной группой оптимальной ставки налога и распределение общественных благ между участниками властной группы и аутсайдерами представлен на рис. 11. Здесь власть выбирает такой уровень налогообложения, который максимизирует ее суммарные доходы от перераспределения ((1-f)tr(t)) и от собственной производительной деятельности (fr(t)). Обратим внимание, что оседлый бандит, максимизирующий свою долю потенциального дохода (tr(t) = (1-f)tr(t) при f=0) выберет более высокую, по сравнению с властной группой в условиях распределительной демократии, ставку налогообложения ($t_A*>t_r*$).

Доля общественных благ, которая достанется власти в обществе распределительной демократии равна отношению длин отрезков AB и AD на рис. 5.11.

Рисунок 5.11. Оптимальная ставка налогообложения и распределение общественных благ в обществе распределительной демократии¹²¹

В целом же, все параметры равновесия такой системы общественного устройства представлены на рис. 5.12. Здесь во втором квадранте отражен выбор оптимальной для властной группы ставки налога t_R^* и соответствующий этой ставке уровень предельных общественных издержек производства общественных благ (MSC_R^*), который определяет равновесный предельный реальный доход общества (I_R^* в квадранте I) и, таким образом, оптимальный, с точки зрения руководящей группы, объем производства общественных благ G_R^* . В четвертом квадранте рис. 5.12 отражается распределение доходов между властью и аутсайдерами: весь общественный доход, равный длине отрезка OG, распадается на две части. Первая часть, равная длине отрезка OE — это совокупный объем собираемых налогов, часть которого, равная отрезку OD

¹²¹ Ibid., 88.

тратится властью на производство общественных благ, другая его часть (отрезок DE) — это выигрыш властной группы от перераспределения общественного дохода. Длина отрезка EF на рис. 5.12 соответствует чистому доходу участников властной группы от собственной производительной деятельности, а отрезок FG определяет величину чистого дохода остальных членов общества, не входящих во властную группу.

Как демонстрирует представленная модель, в условиях, когда власть в обществе принадлежит той или иной группе специальных интересов (или нескольким таким группам), внутренняя экономическая политика этой группы будет определяться двумя вещами: во-первых, заинтересованностью членов группы в перераспределении общественного богатства в свою пользу (то есть, тем, насколько они заинтересованы увеличении своей доли общественного пирога), во-вторых, заинтересованностью членов группы в увеличение своих производительных доходов, величина которых обратно пропорциональна объему перераспределения (то есть, тем, насколько они заинтересованы также в увеличении всего общественного пирога). Причем, по мере увеличения части совокупного дохода общества, производимой и присваиваемой властной группой, влияние первого фактора на благосостояние властной группы сокращается, а второго, наоборот, возрастает.

Вернемся назад и рассмотрим еще раз два из приведенных выше уравнений:

$$t_{R}^{*} = -\frac{r(t)}{r'(t)} - \frac{f}{1-f}, f \neq 1$$

$$I'(G) = \frac{1}{f + (1-f)t} \equiv \frac{1}{s}$$

Из первого из этих уравнений следует, что по мере увеличения f оптимальная ставка налогообложения будет сокращаться. Второе уравнение показывает, что по мере роста f (и, соответственно, s) равновесный предельный общественный доход сокращается, а оптимальное, для властной группы, количество общественных благ (G_R^*), соответственно, увеличивается. Иными словами, по мере увеличения f (обратим внимание, что f изменяется, при прочих равных условиях, прямо пропорционально изменению количества членов властной группы) неизбежно возникнет такая ситуация, в которой:

$$t_R^* = G_R^*$$

А значит перераспределение общественного дохода в свою пользу перестанет быть выгодным участникам властной группы и все собранные налоги будут направлены на производство общественных благ, то есть распределительная демократия в этом случае фактически превращается в консенсусную демократию.

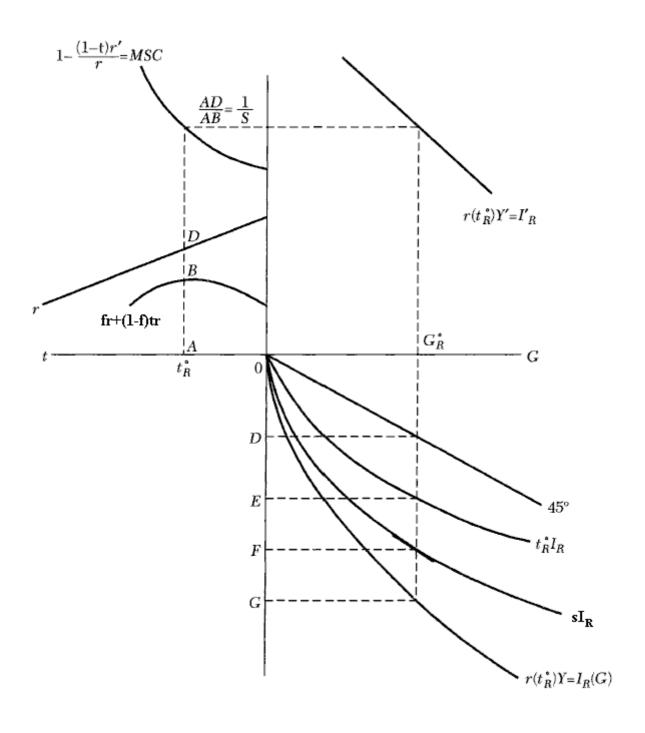
На протяжении всего XX столетия объем средств, перераспределяемых государственными структурами в развитых странах рос опережающими по отношению к ВВП темпами. Так, например, объем государственных расходов США составлял в 1929 году приблизительно 10% ВВП, а к 1987 году увеличился почти в 3,5 раза — до 34,8% ВВП¹²². Многие исследователи объясняют столь буйный рост государственного влияния на экономику хищнической политикой групп специальных интересов, находящихся у власти: они заинтересованы в максимальном перераспределении доходов, так как от объема этого перераспределения зависит их благосостояние. Однако, принимая во внимание рассмотренную модель распределительной демократии МакГира — Олсона, такое объяснение данной проблемы представляется слишком поверхностным и даже ошибочным. Так что же

¹²² Kau, James B. and Rubin, Paul H. (2000), The Growth Government: Sources and Limits, *Department of Economics Emory University Working Paper Series*, 1.

стало причиной столь бурного роста объема производства общественных в прошлом веке?

Ответ на этот вопрос можно найти в работах Дугласа Норта 123.

Рисунок 12. Равновесие в модели распределительной демократии¹²⁴.

¹²³ См., в частности: North, Douglass C. (1981), *Structure and change in economic history*, N. Y.: WW Norton; North, Douglass C. and Wallis, John Joseph (1982), American Government Expenditures: A Historical Perspective, **72** *American Economic Review*, 336-340.

¹²⁴ McGuire, Martin C. and Olson, Mancur Jr. (1996), The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force, **34** *Journal of Economic Literature*, 89.

Основной причиной очень быстрого, по сравнению со всеми предыдущими периодами мировой истории, экономического роста, продолжающегося уже более двух столетий по общему признанию стало расширение специализации и разделения труда между индивидами. Возросшая специализация, с одной стороны, привела к сокращению трансформационных издержек обмена, в частности, за счет сокращения транспортных расходов, а с другой стороны, увеличение специализации способствовало росту трансакционных издержек обмена.

Во-первых, персонализированный обмен, которому свойственны повторяющиеся взаимодействия и который, таким образом, обеспечивает каждой из участвующих в обмене сторон надежную гарантию от оппортунистического поведения контрагентов, был вытеснен обменом обезличенным. Издержки, связанные так или иначе с оппортунистическим поведением участников сделки, при такой форме обмена значительно увеличиваются. Поэтому обе стороны вынуждены расходовать значительные средства на спецификацию и поддержание контракта. С другой стороны, общественное производство этого блага позволяет добиться значительной экономии на масштабе и снизить, таким образом, трансакционные издержки обезличенного обмена.

Во-вторых, так как в новых условиях значительно возросло расстояние, в пространстве и во времени, между актом покупки блага, платежом за это благо и его поставкой, увеличилась связанная со сделками неопределенность, а следовательно и потребность общества в страховании сделок. Наиболее эффективным способом предоставления этих услуг в целом ряде случаев является их общественное производство.

В-третьих, расширение специализации увеличивает информационную асимметрию между продавцами и покупателями. Общественные расходы на преодоление этой асимметрии также в ряде случаев оказываются наиболее эффективным способом призводства этого блага.

Иными словами, по мнению Норта, производство общественных благ в XX веке резко увеличилось в связи с ростом трансакционных издержек обмена и, соответствующим ростом общественной потребности в такого рода благах:

«Сила принуждения дает возможность правительству играть главную роль в спецификации и поддержании контрактов. Способность решить проблему безбилетника позволяет правительству организовать производство таких товаров и услуг, производство которых не может быть прибыльным в частном секторе... Аналогично, правительство может исключить ряд проблем, связанных с ухудшающим отбором в страховании здоровья, пенсионном страховании и страховании по безработице» 125.

3 аключение. В конце этой главы вернемся еще раз к определению государства Д. Норта, приведенному в ее начале. Как мы уже отмечали, основной функцией государства является производство общественных благ. Более того, властная группа, обладающая сравнительными преимуществами в

-

¹²⁵ North, Douglass C. and Wallis, John Joseph (1982), American Government Expenditures: A Historical Perspective, **72** *American Economic Review*, 340.

осуществлении насилия, но не обеспечивающая, по каким-то своим, внутренним причинам, предоставления общественных благ на более или менее приемлемом для своего общества уровне оказывается в долгосрочном аспекте нежизнеспособной: потенциальные конкуренты такой властной группы внутри страны и/ или за рубежом станут ее явными конкурентами и, через какое-то время, вытеснят такую властную группу. Человеческая история знает немало примеров такого рода. Поэтому, в окончательном виде, принимаемое нами определение государства в новой институциональной экономической теории будет выглядеть следующим образом:

государство — это организация со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, распространяющимися на географический район, границы которого устанавливаются его способностью облагать налогом подданных, использующая эти преимущества для предоставления общественных благ

Основные понятия главы

- Общественные блага
- Коллективные блага
- Проблема безбилетника
- Селективные стимулы
- Спонтанный экономический порядок
- «Естественное состояние» общества
- Социальный контракт
- Бандит-гастролер
- Оседлый бандит
- Консенсусная демократия
- Рентоориентированное поведения
- Институциональная коррупция
- Размывание ренты правителя
- Распределительная демократия
- Синтетическая модель государства

Вопросы для повторения

- 1. Верно или нет следующее утверждение: государство тем эффективнее, чем больше насилия оно применяет?
- 2. Что такое общественное благо и каковы его отличительные черты?

- 3. Чем по Олсону определяется оптимальное для индивида количество совместно производимых благ?
- 4. Что такое гетерогенность интересов участников группы, и какое влияние, по Олсону, она оказывает на эффективность совместного предоставления благ?
- 5. Что такое рациональная неосведомленность?
- 6. Что такое социальные избирательные стимулы?
- 7. Должно ли государство во всех случаях самостоятельно производить общественные блага?
- 8. Возможно ли предоставление блага «защита формальных правил» частным порядком?
- 9. Что такое «естественное состояние» общества в понимании Гоббса и Руссо, чем оно отличается от «естественного состояния» общества в трактовке Лок-ка?
- 10. Что такое анархическое состояние общества?
- 11. Назовите необходимые условия стабильности анархической структуры по Хиршлейферу?
- 12. Чем различаются подходы Гоббса и Локка к пониманию социального контракта?
- 13. Верно ли следующее утверждение: общественный договор историческая предпосылка возникновения государства?
- 14. Чем система стимулов бандита-гастролера отличается от системы стимулов оседлого бандита и почему?
- 15. Почему реальные автократы не всегда ведут себя так, как они должны это делать по модели МакГира Олсона?
- 16. В чем заключается экономический аргумент Олсона в оправдание монархии?
- 17. Почему по словам Олсона «у членов «малых групп» непропорционально большая организационная власть для организации коллективных действий»?
- 18. Возможен ли поиск ренты, не вступающий в конфликт с формальными правилами?
- 19. Назовите формы, в которых проявляется экономический ущерб от рентоориентированного поведения.
- 20. Почему технологии поиска ренты часто характеризуются возрастающей отдачей?
- 21. С чем, в первую очередь, связана ограниченность монопольной власти правительства в демократическом обществе?
- 22. Что такое институционализация коррупции?
- 23. Что такое распределительная демократия в понимании МакГира Олсона?
- 24. В соответствии с выводами МакГира Олсона, более высокая ставка налогообложения будет свойственна автократическому режиму или распределительной демократии?
- 25. Во всех ли случаях перераспределение общественного дохода в свою пользу будет выгодно для властной группы в условиях распределительной демократии?
- 26. С чем, по мнению Норта, связан ускоренный рост производства общественных благ в XX веке?

Вопросы для размышления

- 1. Является ли, на Ваш взгляд, доверие жителей страны к институтам и организациям ее финансового рынка общественным благом? Поясните свой ответ.
- 2. Прокомментируйте следующее утверждение: «Присутствие государства в экономике должно быть минимальным».
- 3. Почему, на Ваш взгляд, несмотря на выделенные Олсоном преимущества преемственной, монархической власти, практически все наиболее развитые современные государства являются государствами демократическими, власть в которых регулярно переходит от одной политической партии к другой?
- 4. Может ли успешный поиск ренты одной из действующих в обществе распределительных коалиций привести к росту общественного благосостояния? Поясните свой ответ.

Литература

Основная

Олсон М. (1995), Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп, М.: Издательство ФЭИ.

McGuire, Martin C. and Olson, Mancur Jr. (1996), The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force, **34** *Journal of Economic Literature*, 72-96.

North, Douglass C. (1981), Structure and Change in Economic History, N. Y.: WW Norton.

Дополнительная

Бьюкенен Дж.М. (1997), Границы свободы. Между анархией и Левиафаном// *Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен*, М.: Таурус-Альфа.

Норт Д. (1997), Институты, институциональные изменения и функционирование экономики, М.: Начала.

Олсон М. (1998), Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз, Новосибирск: ЭКОР.

Эггертссон Т. (2001), Экономическое поведение и институты, М: Дело, гл. 8-10.

Hirshleifer, Jack (1995), Anarchy and its Breakdown, 103 Journal of Political Economy, 26-52.